

Анна Флаунова

СДЕЛКА
С
ДЖИННОМ

Анна Платунова
Сделка с джинном

«Автор»

2023

Платунова А. С.

Сделка с джином / А. С. Платунова — «Автор», 2023

Чтобы спасти свою семью, я решилась на отчаянный шаг и заключила сделку с джином. Загадывать желание джинну все равно что идти по лезвию ножа: никогда не знаешь, что получишь в итоге, ведь джинны коварны и злы на весь человеческий род. В глазах моего джинна бушует огонь, а в сердце – ненависть и страсть. Он мой раб. Или мой господин? Или тот, кого я полюблю всей душой? Я узнаю это позже. Но сначала мне надо собрать три древних артефакта, попробовать поступить в академию магии, не имея магии, забраться в королевскую сокровищницу, обхитрить герцога, а главное, не попасться в руки моего жениха — убийцы моих родителей.

© Платунова А. С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

*** 1 ***	5
*** 2 ***	8
*** 3 ***	11
*** 4 ***	14
*** 5 ***	16
*** 6 ***	19
*** 7 ***	22
*** 8 ***	25
*** 9 ***	28
*** 10 ***	31
*** 11 ***	34
*** 12 ***	36
*** 13 ***	39
*** 14 ***	42
*** 15 ***	45
*** 16 ***	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Анна Платунова

Сделка с джинном

*** 1 ***

Всеми виной моя коллекция браслетов.

Мой брат Патрик долго ломал голову над тем, какой подарок сделать мне на совершеннолетие. Что подарить девушке, у которой есть все, чего она только может желать! Платья из ткани, в нити которой вплетено волшебство. Духи, чей аромат не только кружил голову, но и заставлял людей чувствовать рядом со мной радость, веселье и покой. Драгоценные украшения. Кареты и лошади.

Ничего не забыла? Ах да! Я любила балы и праздники, поэтому родители, хоть и ворчали, как это расточительно – устраивать званые вечера каждый месяц, – уступали моим просьбам.

Я обрадовалась бы любому подарку от брата, ведь дорог не сам гостинец – дорого внимание, но он хотел удивить меня.

– Улыбнись, маленькая сестренка, – сказал Пат, заглянув ко мне в покои ранним утром, и сам ослепительно улыбнулся.

Патрик встал на пороге комнаты, спрятав руки за спиной. Навсегда запомню, каким красивым он был в тот момент. Мой несносный, мой чудесный брат. Его проделки с самого детства заставляли родителей хвататься за голову.

– Он перерастет, – говорила мама и капала папе в рюмку успокоительные капли, когда Патрик в десять лет пытался объездить хряка.

Тогда он сломал ногу и несколько дней провел в постели, пока магическое заклятие, наложенное целителем, сращивало кость.

– Он остепенится! – утешал папа маму, размахивая перед ее носом флаконом с нюхательной солью, после того, как в двенадцать лет брат на спор вскарабкался по стене до окон четвертого этажа.

Ну как вскарабкался... Ему почти удалось! Патрик подтягивался на руках, цепляясь за камни кладки, а носки его остроносых сапог впивались в щели между камнями. И тут коварный булыжник не выдержал веса подростка и вылетел из стены, увлекая Патрика за собой.

Амулет левитации затормозил падение, но все равно брат знатно приложился лопатками о землю.

Каких только амулетов не носил мой брат. Это все благодаря маме: она постоянно повторяла, что ей куда спокойнее, когда Патрик одновременно таскает на себе обереги, защищающие от огня, воды, падения, отравления... Все и не перечислить. Пальцы Патрика унизаны кольцами, а на запястьях тонкие браслеты.

Но я отвлеклась! Итак, подарок к моему дню рождения и Патрик.

Брат первым пришел меня поздравить. Давно не стриженные светлые волосы локонами вились у лица, белозубая улыбка сияла. Патрик с утра нарядился в парадный темно-синий сюртук, но братишка умудрялся даже самые красивые и дорогие вещи носить так, будто их ценность ничего не значила. Небрежно расстегнутая верхняя пуговица и подвернутые до середины предплечья рукава превращали наследника графа в веселого сумасброда.

Я понимала, почему все девчонки без ума от Пата. Я сама его обожала. Мой брат был веселым, умным, добрым, хоть и совершенно безрассудным.

– Что же ты мне принес? – воскликнула я, когда Патрик появился на пороге, загадочно спрятав за спину руки.

– Угадай!

– Духи? Цветы?

Я в нетерпении прыгала вокруг брата, пытаюсь заглянуть ему за спину, тянула за рукава, но он со смехом уворачивался.

– Не скажу, пока не угадаешь!

– Драгоценности? Украшения?

– Уже теплее, маленькая сестренка!

– Браслет! – догадалась я. – Браслет для моей коллекции!

Я, в отличие от Патрика, не напяливала на себя по десятку браслетов одновременно, так, иногда надевала то один, то другой покрасоваться. Мои браслеты лежали на полках, защищенных магией от пыли, на бархатных подушечках. На видном месте – простой, но самый дорогой моему сердцу браслет, с которого и началась моя коллекция: браслет из ракушек, нанизанных на веревочку.

Его мне тоже подарил Патрик, когда мне исполнилось пять. В тот год мы с родителями единственный раз съездили на море. Ехали долго-долго, тряслись в карете неделю, я отбила себе все косточки, постоянно ныла и всем действовала на нервы. Но, как только увидела в окне темно-синюю полосу бескрайней воды, а над ней светло-голубую полосу бесконечного неба, – сразу позабыла все печали.

Браслет из ракушек напоминал мне о счастливейшем лете в жизни.

Я росла, окруженная заботой, и на судьбу никогда не жаловалась: она баловала меня. По крайней мере, до тех пор, пока не наступил день моего совершеннолетия.

Чудовищный, жуткий день.

Да только в тот момент, когда брат протянул мне массивный золотой браслет, я знать не знала, что скоро моя жизнь встанет с ног на голову.

– Ух ты! – восхитилась я, принимая из рук Патрика невероятное украшение.

Таких редких вещиц в мою коллекцию пока не попадало.

Явно варварская работа: браслет изготовили очень давно в далекой южной стране. Он был слишком большим, слишком громоздким, однако виделась в нем какая-то дикая красота. В центре стояла кривоватая печать – бабочка. Ее крылышки чуть оплавилась, будто неведомый мастер не слишком-то заботился о привлекательности браслета, но почему-то очень торопился закончить работу.

Я собиралась примерить браслет на запястье, но Патрик остановил меня, взял за руку.

– погоди, Виви. Это не обычный браслет. Там внутри джинн.

– Чего? – хихикнула я. – Джинн? Серьезно?

Патрик кивнул. У меня отвалилась челюсть. Он серьезно! Мой любимый сумасброд совсем сбрендил – притащил настоящего джинна! Где только нашел!

Я знала лишь о нескольких магических сосудах с джиннами. Запечатанный медный кувшин хранился в Академии магии. Перстень – в частной коллекции герцога Алдона. Алмазный венец – в королевской сокровищнице.

И вот теперь... браслет... у меня!

– Ах! – сказала я и повисла у Патрика на шее, задохнувшись от чувств. – Это... это волшебство!

Похоже, у браслета из ракушек появился достойный соперник.

– Можно мне взглянуть на него хоть одним глазком? – спросила я, вертя в пальцах диковинную вещицу.

– На кого? На джинна?

Патрик неожиданно сделался очень серьезен. Взяв за оба запястья, он приблизил свое лицо к моему и заглянул в глаза.

– Вивиан, вот теперь без шуток: ты никогда не наденешь этот браслет и никогда не призовешь его пленника. Поняла? Это слишком опасно. Поклянись, или я заберу подарок!

– Эй, так нечестно! – пискнула я.

Наверное, во мне тоже есть частичка сумасбродства от старшего брата. Мне хотелось поглядеть на джинна. Да, эти создания коварны и опасны. Они только и ждут слов хозяина, чтобы тут же обернуть их против него. Джинны обладают огромной магической силой, к тому же они мстительные и жуткие существа. Все, чего они хотят, – погубить владельца.

Однако напасть не посмеют, всегда действуют хитростью.

– Он меня и пальцем не тронет, – попыталась я уговорить Патрика. – А я не пикну, стану молчать как рыба! Мне и желать-то нечего, у меня все есть!

И в подтверждение своих слов я развела руками, мол, погляди: кто я, где я живу. Чего мне еще хотеть?

Патрик молчал и хмурил брови. Он заграбастал браслет назад и теперь поигрывал им, перекидывая из ладони в ладонь. Патрик и хмурые брови – обычно несовместимые вещи. Я вздохнула.

– Ладно. Отдавай. Я положу его вот на эту красивую подушечку и буду любоваться изда-лека! Клянусь!

Пат сам водрузил подарок на свободное место, притянул меня и поцеловал в лоб.

– С днем рождения, сестренка. Вечером повеселимся как следует.

Да уж, вечером мы повеселились... Вспоминать об этом больно и страшно.

До бала в мою честь оставалось много часов, и я пока ничего не знала о том, что пригото-вила мне судьба.

*** 2 ***

Закрывая глаза, я снова на миг становлюсь той наивной девочкой, которую ожидала безбедная жизнь. Становлюсь графиней Вивианой Сюзанной Аделиной Арчер. Для брата – Ви или Виви, для родителей – Вианой.

...Наше имение называется Лунная Роза. В детстве я думала, что оно получило название из-за внешнего вида замка, стоящего на холме. Ночью стены и башни из светло-серого камня будто бы светятся серебристым отраженным светом луны.

На землях, принадлежащих моему отцу, есть леса, богатые дичью, на лугах пасутся отары овец, а поля засеяны пшеницей, рожью и ячменем. Я состоятельная наследница, желанная невеста. Теперь, когда мне исполнилось восемнадцать, родители вывезут меня в столицу на зимний сезон балов, его еще называют сезоном смотрин.

Возможно, еще до наступления весны я буду обручена... От этих мыслей бросает то в жар, то в холод. Кто мой будущий избранник? Видела ли я его прежде? Я знаю, что такова судьба всех дочерей – подчиниться воле родителей и не посрамить род. Мне бы никогда и в голову не пришло оспаривать их решение, лишь немного жаль, что в выборе мужа мое сердце и мои желания ставят на последнее место.

Веронику, подругу детства, летом выдали замуж за неопрятного старика. Вероника старше меня на год, поэтому раньше попала на сезон смотрин. Ее родители оказались не слишком-то переборчивы в женихах, а все потому, что бароны Энфилд не могли дать достойного приданого – выдали дочь за первого, кто сделал предложение.

Бедная Вероника. На свадьбу я не попала, но меня пригласили на званый ужин в честь помолвки. Ника сидела грустная, молчаливая, ее хорошенькое личико побледнело, а темные глаза, в которых всегда горели смешливые искорки, погасли. Еще бы! Рядом с ней восседал жирный лысый боров, иначе не назовешь. Время от времени он брал тоненькую руку невесты в свою потную лапищу, пальцы у него были толстые, будто свиные сардельки. Мою подругу передергивало от гадливости.

В своих родителях я уверена: они меня любят и не отдадут замуж абы за кого.

Может, моим избранником станет сын графа Дейтона – Адриан? Имение графа граничит с нашим, было бы славно объединить земли, правда?

Я слышала, что у отца какие-то неприятности с графом Дейтоном и с бароном Фарли, другим соседом, по поводу земель. Конфликт тянется еще со времен моего деда, то разгорается с новой силой, то спадает. Я в эти дела не лезу. Зачем? Родители сами во всем разберутся.

Кстати, и Дейтоны, и Фарли сегодня приглашены на бал. И Адриан Дейтон, конечно, тоже. Он обаятельный, симпатичный, на год старше Патрика. До сегодняшнего дня Адриан относился ко мне как к малышке: подшучивал, играл в настольные игры, в прятки и догонялки. Но как еще он мог себя вести с девчонкой, одетой в платье чуть ниже колен, с длинными рукавами, с закрытым декольте – в детское платье.

Возможно, сегодня что-то изменится? Я впервые выйду в свет, нарядившись в настоящее бальное платье. Его сшила столичная модистка – отец несколько раз возил меня на примерку в модный дом. Я ощущала себя совсем взрослой, когда сидела рядом с папой на мягком диване, пила кофе из крошечной чашечки и разглядывала журналы, ожидая, пока меня пригласят.

Платье дождалось своего часа в гардеробе. Я выбрала фиолетовый цвет ткани: подол насыщенного пурпурного оттенка, а лиф нежно-цикламеновый, точно весенняя роза.

Адриан теперь посмотрит на меня другими глазами! Я больше не малышка, для развлечения которой устраивают детские вечера, я юная леди, готовая выйти в свет.

Завтракать пришлось в одиночестве. Мама распорядилась слугами, которые украшали парадный зал, делали уборку в комнатах, драили полы и лестницы. На кухне дым стоял коро-

мыслом: с ночи кухарка с помощницами варили, жарили и тушили. Мой день рождения должен пройти идеально!

Любимая мамочка с утра не могла усидеть на месте. Она забежала на минутку в столовую, чтобы обнять и поцеловать меня, пообещала, что вечером меня ждет чудесный подарок, но мы едва перекинулись парой слов, как мама заприметила в открытую дверь рыжую служанку, несущую ворох покрывал.

– Стой! Ты куда их несешь?

– В гостевые комнаты, – сонно откликнулась та.

Мама схватилась за голову:

– Да что же это такое! Ни на минуту невозможно ослабить контроль! Эти старые покрывала нельзя предлагать гостям!

Она быстро чмокнула меня в макушку и убежала.

Папа на рассвете телепортом отправился в столицу. Он хотел попасть на прием к королю, и, как я краем уха услышала, дело снова касалось тяжбы из-за земли. На этот раз граф Дейтон, или барон Фарли, или они оба, кажется, нашли убедительные доказательства того, что часть имения принадлежит кому-то из них. Или обоим! Как сложно вникать в эти политические дела! И скучно! Хорошо, что мне не придется этим заниматься никогда в жизни.

Я только надеялась, что небольшая размолвка не помешает Дейтонам и Фарли прибыть на праздник.

Патрик же, ранняя пташка, давно позавтракал, оседлал Рубина и отправился на прогулку верхом по Солнечному Лугу к обрыву над рекой Шумной. Он любил посидеть там, поразмышлять. Патрик не признавался родителям, но он писал стихи и говорил, что обрыв над рекой – лучшее место, где ему удастся отвлечься от проблем, которыми отец пытается забить ему голову. Патрику осенью предстоит учиться в Университете, а ему очень уж не хочется ехать.

Была бы его воля, он бы только и делал, что скакал на коне, писал стихи и посещал балы. Но что поделать – он будущий граф.

Неохотно прожевав тост, намазанный мандариновым джемом, и запив все травяным чаем, успевшим остыть, я задумалась, чем бы заняться. Помочь маме по хозяйству? Спасибо, нет, это я проходила! Мама лишь начинает сильнее нервничать, а заодно пытаться впихнуть в мой бедный разум массу ненужных сведений по управлению имением. У нее еще будет время меня всему научить.

Я поднялась в библиотеку, выбрала роман, очень модный этим летом, – все в столице читали его, обсуждали, а я почему-то не могла продвинуться дальше первой главы. На кожаной обложке было вытеснено название «Измена на крови».

Я вернулась с ним в спальню, но и теперь, промучившись полчаса, захлопнула книгу и рассеянно огляделась. Взгляд упал на новый экспонат коллекции.

Золотой браслет лежал на подушечке и загадочно светился в лучах утреннего солнца.

Неужели там, внутри, действительно спрятан джинн?

Я столько историй слышала про этих коварных созданий! В основном, конечно, страшных. Глупые люди до сих пор попадались на уловки джиннов. Надеялись так подобрать слова, чтобы исполнение желания не принесло им вреда.

Известен случай, когда баронесса Иви, бывшая владелица перстня, который теперь хранится у герцога Алдона, пожелала «всегда чувствовать себя молодой». И что бы вы думали! Джинн расхохотался и сказал: «Да будет так!» С тех пор у бедняжки баронессы начались проблемы с памятью: каждое утро она просыпалась, начисто забыв о предыдущем прожитом дне. В душе ей навсегда оставалось двадцать лет, ведь она ничего не помнила о прошедших годах. Грустное зрелище – древняя старуха в девичьем платье, с прической, какие носят молоденькие девушки.

По мне, так баронесса была не слишком умна!

От меня джинн желания не дождется!

Но я ведь могу хотя бы как следует рассмотреть свой подарок?

Я оставила книгу и подошла к полке. Встала на цыпочки и начала вертеть головой, разглядывая украшение под разными углами.

Нет, ну неужели правда в таком маленьком предмете может скрываться грозный джинн? Как он там помещается? Что он чувствует, когда заперт? О чем думает? Может быть, там, внутри, крошечная комната с золотыми стенами, диванами и гобеленами?

Патрик бы определенно высмеял меня за такие мысли. Сказал бы, что мне надо читать меньше сказок!

Какие слова нужно сказать, чтобы призвать пленника? Насколько я помнила, строгих правил не существует. Нужно коснуться предмета, потереть или надеть, если это украшение, и сказать что-то вроде: «Раб браслета и того, кто владеет браслетом, появись передо мной».

«А что если Патрик просто подшутил надо мной? – пронзила меня внезапная мысль. – Подарил подделку и хихикает. Ведь я никогда не смогу проверить, есть ли там, внутри, джинн».

Я уже готова была поверить этой неожиданной догадке и разозлилась на Патрика. Ведь правда, где бы он смог отыскать такую редкую магическую вещьцу?

Я смотрела и смотрела, не в силах отвести взгляд. Все остальные предметы в комнате будто отделились, а браслет стал казаться еще больше. Мне чудилось легкое жужжание в воздухе, такое, как остается после того, как дернешь за натянутую струну, – звук уже затих, но его отголоски еще тревожат душу. Звук зудел, забираясь под кожу.

Я не заметила, как взяла браслет в руки и – не знаю, как так получилось, – защелкнула его на запястье. Он сел как влитой, будто бы на меня был сделан, и смотрелся весьма неплохо, несмотря на свой дикий и немного неказистый вид.

Губы против воли сложились в короткое слово: «Появись...» Уверена, я даже не произнесла его вслух. Или произнесла?

Ничего не произошло! Я резко выдохнула – то ли от облегчения, то ли от негодования.

– Ну, Пат... – начала было я, но меня прервал громкий смешок, который раздался за моей спиной.

Грубый, хриплый смешок, от которого по коже побежали мурашки и волоски встали дыбом.

– Ты будешь оборачиваться, хозяйюшка, или поджала хвост от страха? – развязно произнес глубокий мужской голос.

Голос звучал недобро. Ух как недобро!

*** 3 ***

Я стремительно развернулась, чтобы посмотреть на незваного гостя.

Мелькнула слабая надежда, что это Патрик. Шел мимо, увидел, что я не послушалась его, взяв браслет, и решил разыграть. Но грубый голос был совсем не похож на голос моего брата, да и сам визитер ничуть не напоминал шутника.

В двух шагах от меня высился незнакомый мужчина. Пряди смоляных волос опускались ниже плеч, падали на узкое лицо. Взгляд черных глаз обжигал, радужка была окаймлена по краю ярко-оранжевым цветом, отчего казалось, будто внутри мужчины бушует пламя, готовое в любой момент прорваться наружу.

Он был насколько высок, что моя макушка едва доставала до его подбородка. Широкие плечи обтягивала незнакомая одежда. Что-то вроде черного халата с серебряной и золотой вышивкой, завязанного на талии широким поясом. У шеи полы халата расходились, приоткрывая мощный торс.

Все это я успела увидеть за мгновение, прежде чем крепко-накрепко зажмурилась и выставила перед собой руку. Я помахала ею, шепча:

– Уходи, уходи, убирайся!

Гость снова хмыкнул.

– Неправильное распоряжение, зайчишка.

У меня от ужаса все смешалось в голове! Я никак не думала, что придется давать джинну распоряжения, и, конечно, заранее не подготовилась.

Не поднимая век, я начала отступать спиной к двери, чтобы убежать прочь из комнаты, позвать на помощь, но не сориентировалась и уперлась в стену.

– Неужели тупик? – ядовито поинтересовался джинн.

Наверное, примерно так выглядели дикие люди варварских племен, теперь полностью исчезнувших. Однако он говорил чисто, без акцента, даже не скажешь, что джинны – выходцы из далеких южных земель.

Я набралась смелости и, вздернув подбородок, распахнула глаза. И тут же взвизгнула, вжимаясь в стену: мы с джинном стояли нос к носу. Я отчетливо видела огненные точки в его зрачках, а ободок вокруг радужки напоминал солнечную корону во время затмения. Кожа его лица была гладкой и смуглой. На таком расстоянии стали видны и тончайшие белые шрамы на его шее, уходившие под воротник. А еще я почувствовала запах. От джинна пахло так, как пахнет в лавке приправ и специй. Когда я оказывалась там, мне казалось, я вдыхаю жаркий аромат самого солнца – аромат раскаленной пустыни и горьких сухих трав.

– Ты не смеешь меня тронуть! – выдавила я, стараясь придать голосу уверенности.

– Я тебя не трогаю, – насмешливо ответил он. – Не трогаю и пальцем.

В доказательство этого он поднес свою узкую ладонь к моей щеке и пошевелил длинными пальцами, чуть-чуть не касаясь кожи. Я ощущала движение воздуха рядом со своими губами, но джинн, коварное создание, действительно не дотрагивался до меня.

Однако и сдвинуться с места я не могла, так как он загородил мне путь.

– Пропусти!

– Неправильное распоряжение.

Он издевался надо мной! Я видела в глубине его глаз злое удовлетворение, уголки губ дрогнули в холодной ухмылке.

И, будто мало ему было моего ужаса, джинн наклонился еще ниже, почти уткнулся носом в ямочку под ключицей – как назло, легкая кофточка, которую я ношу поверх домашнего платья, расстегнулась и сползла, обнажив плечо, – и втянул ноздрями воздух.

– М-м-м, сладкая невинная зайчишка. Ландыш и яблоки...

Я с трудом сглотнула вязкую слюну.

Ни один мужчина не подходил ко мне так близко. Ни один мужчина не нюхал меня и не произносил таких оскорбительных вещей. Никогда и никто не смел так нагло смотреть и так нагло пахнуть специями! И выставять напоказ свою голую мускулистую шею!

– Чего ты хочешь? – со страхом выдавила я.

Джинн неожиданно расхохотался. Смех его вовсе не был таким уж веселым, он тоже пугал меня до коллик, но джинн хотя бы отодвинулся, и я смогла вздохнуть свободно.

– Чего я хочу? – переспросил он, выделив слово «я». – Чего ты хочешь? Разве не ты моя хозяйка, а я твой смиренный раб?

Вот уж на кого на кого, а на смиренного раба он вовсе не походил.

– Я ничего не хочу, – жалобно произнесла я.

Сама не понимаю, откуда в моем голосе взялись эти просительные ноты.

Джинн отошел на шаг и окинул меня холодным взглядом.

– Жалкие потомки лицемерных лжецов, – произнес он, как плюнул.

Я, дрожа, двинулась вдоль стены в сторону приоткрытой двери. Джинн равнодушно наблюдал за мной.

– Ты ведь понимаешь, что, пока на твоей руке браслет, ты от меня никуда не спрячешься? —поинтересовался он.

Я вцепилась в застежку, но она не поддавалась.

– А пока я вне браслета, снять его невозможно, – так же спокойно добавил джинн.

– Откуда ты только свалился на мою голову! – закричала я.

– Я? – нахально уточнил джинн. – Я раб браслета и того, кто владеет браслетом.

– Убирайся! Уходи! Проваливай! Как еще сказать?

Джинн скрестил руки на груди и изогнул бровь. Я так понимаю, подсказывать мне он не собирался. Я, тяжело дыша, устала на ужасного гостя, а он в ответ смотрел на меня. Игра в гляделки могла бы продолжаться бесконечно, но джинну она вдруг наскучила. Он обвел взглядом комнату, подошел к окну и выглянул наружу, не отодвигая занавесок.

– Какой сейчас год? – негромко спросил он.

– Шестьсот сорок пятый от Великого Исхода, – прошептала я.

Джинн на миг прикрыл глаза, лицо его закаменело, словно ему нужна была передышка, чтобы принять эту новость.

И я все сразу поняла: нет там, внутри браслета, никакой золотой комнаты. Пока джинна не призывают, он словно спит, ничего не чувствует, ничего не видит и не слышит. Сколько десятилетий, а то и столетий проносится, пока он заперт внутри?

Почему меня это должно волновать? Он – джинн, волшебное создание, время им безразлично!

Однако джинн вовсе не выглядел так, будто ему плевать.

– Еще полвека, – сказал он тихо, самому себе.

Тряхнул головой и оторвался от вида за окном. На что он там любовался? Там и смотреть-то особо не на что – сад и беседка.

– Что же, зайчишка, заключим договор? Я тебе скажу, как отправить меня обратно в браслет, а ты больше никогда! никогда! никогда меня не призовешь. Иначе пеняй на себя. Тебе говорили, что джинны коварны? Что мы только и ждем подходящего случая, чтобы разделаться с людишками? Так вот – это правда!

Джинн сейчас выглядел грозно. Он распрямился, глаза сияли черным пламенем, волосы развевались, будто от ветра.

Вовсе ни к чему было меня пугать! Я и так была напугана до полусмерти!

– Больше никогда! – пролепетала я.

– Хорошо. Скажи: «Я желаю, чтобы ты вернулся в заточение».

– Я желаю, чтобы ты вернулся в заточение! – выкрикнула я в тот же миг.

И... он исчез, будто не появлялся. Вот только что стоял – грозно сверкал глазами, – а теперь на этом месте пустота, лишь распрямляется примятый ворс ковра.

– Ф-фух... – выдохнула я, проведя трясущейся рукой по лбу, на котором выступили капли пота.

Потом, опомнившись, содрала с руки браслет и закинула его под кровать.

– Точно никогда! Никогда в жизни! – пробормотала я.

Как хрупки иногда бывают наши обещания...

*** 4 ***

Я выбежала из комнаты, сама не зная, куда бегу и зачем. Наверное, просто хотела увидеть настоящих живых людей и понять, что кошмар закончился.

Немногочисленные горничные, которых я встречала в коридорах, смотрели на меня и поспешно отводили глаза. Не знаю, о чем они думали, повстречав растрепанную, покрасневшую и перепуганную дочь графа.

Правда, спустившись на два лестничных пролета, я почти успокоилась. Из малой гостиной доносились голоса родителей – вот кто мне сейчас нужен! Неважно, что они обсуждают, я не стану вмешиваться, тихонько зайду в комнату и посижу рядом.

Сквозь приоткрытые створки я услышала взволнованный мамин голос.

– Киллиан, значит, король так тебя и не принял! Ты ведь записывался на аудиенцию?

– Записывался, – подтвердил папа уставшим голосом.

Выходит, напрасно он с утра мотался телепортом во дворец, зря только время потратил.

– Мне это не нравится! Очень не нравится!

Сквозь небольшую щель я видела, как мама ходит туда-сюда по комнате, сцепив руки и прижав их к груди. Давно она не была так взволнованна.

– Киллиан, помнишь, я предупреждала, что мальчик еще припомнит обиду, когда вырастет и займет трон?

Папа что-то неразборчиво пробурчал. Была в нашей семейной истории постыдная страница, о которой стараются не упоминать вслух, а если и говорят, то шепотом.

Отца едва не обвинили в заговоре против короны. Правящий король Эдуард II внезапно скончался, а его сыну Карлу едва исполнилось семь лет. Я сама тогда была малышкой и ничего не помню. Как-то Патрик под большим секретом рассказал мне обо всем, что тогда происходило.

Часть аристократии, и в том числе мой отец, хотели видеть на троне не мальчика, а его дядю Альберта, который уже показал себя мудрым и талантливым лидером.

Как водится, свет раскололся на две части – сторонников и противников короля-ребенка. Кого-то убили, кого-то заточили на веки вечные в темницу. Страшные начались времена!

В итоге герцога Альберта захватили в плен и казнили. Многих его сторонников лишили дворянства и сослали вместе с семьями в далекие северные земли. Но нашему папе повезло: кто-то из приближенных юного Карла вступился за него. То ли друг детства, то ли дальний родственник. Папе пришлось отдать в казну фамильные драгоценности и редкие магические артефакты, но это лучше, чем если бы мы остались без имени и титула.

Да только теперь маме всюду мерещится желание Карла отомстить.

– Не волнуйся так, Элинор! Не будем портить нашей дочери праздник! – сказал отец.

– Но что если Дейтоны нашли лазейку в законе? И все-таки сумеют оттяпать у нас кусок земель? А Карл не станет вмешиваться! Может быть, они и ему что-то пообещали! Говорят, казна королевства опустошена после неурожая прошлого года.

Папа встал на дороге нервно вышагивающей мамы и заключил ее в объятия. Стал гладить по голове, как маленькую. Она сначала отпихивала его руки и вырывалась, но потом сдалась и положила голову папе на плечо.

Родители такие смешные. Забавно наблюдать за ними, когда они думают, что их никто не видит. Ведут себя, будто им самим по двадцать лет. В такие моменты я замечала, как сильно Патрик похож на отца. Наверное, граф Киллиан Арчер в юности тоже любил почудить. Иногда я вижу в улыбке папы дерзость и сумасбродство Патрика.

– Дейтоны и Фарли – наши соседи и давние знакомые. От куска земли, конечно, не откажутся, но будут действовать через суд. Нашли доказательства? Пусть предъявят. И все это,

как обычно, станет тянуться годами. Успокойся, Элинор, еще на век Патрика хватит всей этой судебной волокиты.

– Ох, Патрик... Он меня волнует, Кил! – Мама оседлала любимого конька. – Его не интересует ни юриспруденция, ни экономика. Он до сих пор не определился, на какой факультет собирается поступать. Представляешь, вчера заявил мне, что хочет поступить в магическую академию. А ведь в нашем сыне нет ни капли магии!

Я прыснула. Патрик просто подтрунивал над родителями, специально злил их. Когда-то он всерьез сказал, что хочет попасть на факультет изящной словесности, чтобы стать писателем, но папа высмеял его, а мама разрыдалась. Теперь Пат о писательстве не заговаривал, но тянул с выбором до последнего.

Я решила: если разговор зашел о Патрике, можно войти в гостиную.

– Я бы тоже хотела поступить в магическую академию! – сказала я, появляясь на пороге комнаты.

Увидев округлившиеся мамины глаза, я рассмеялась.

– Шучу, мам, какой из меня маг. Пап, как слетал на прием?

Я уже знала, что король дал папе от ворот поворот, но не могла ведь я признаться, что подслушиваю. Отец отмахнулся:

– Карл занят. Как обычно. Не забивай свою прелестную головку этой ерундой! Лучше скажи мне: ты готова повеселиться?

– Да-а-а! – воскликнула я и повисла у папы на шее.

Он закружил меня, обхватив за талию, потом осторожно поставил на пол и, взяв за плечи, залюбовался.

– Моя взрослая дочь! Подумать только!

Я захихикала, покраснев. Вернулись мысли о том, что еще немного – и меня представят ко двору, а после на всех зимних балах я уже буду появляться как невеста на выданье.

– Дейтоны ведь приедут?

– Приедут, – кивнул папа, быстро переглянувшись с мамой.

Я, в отличие от мамы, вовсе не волновалась из-за таких глупостей, как судебные тяжбы. Да пусть даже забирают кусок земли, не жалко. Если я выйду замуж за Адриана, за мной и так отдадут часть имения – Солнечный Луг, пруд и лесок за прудом, что тянется как раз до соседских владений. Так есть ли из-за чего беспокоиться?

Раздался удар гонга – сигнал к обеду, – и мама едва не подпрыгнула на месте.

– Что? Неужели уже два часа дня? Какой кошмар! Мы ничего не успеваем!

Конечно, мама сгущала краски. Званный вечер начнется только в шесть!

До конца моей прежней жизни оставалось пять часов...

*** 5 ***

Ловкие руки Бетси прядь за прядью превращали мои беспорядочные локоны в высокую прическу, как у истинной леди.

– Вы только посмотрите, как вам к лицу, – щебетала горничная. – Такое у вас личико нежное, ну просто как у фарфоровой куколки! Налюбоваться не могу! Ведь будто еще вчера в одной рубашонке по дому бегали, а теперь превратились в настоящую красавицу!

– О, Бетси... – Мои щеки зарделись от смущения. – Ты преувеличиваешь.

– Нет, вовсе нет! Гости, как увидят вас, так в обморок все и попадают от восхищения!

Я представила, как в зал один за другим заходят гости, видят меня, хватаются за сердце и, упав как подкошенные, складываются в аккуратные кучки. Картинка была до того потешная, что я рассмеялась. Разулыбалась и Бетси.

– А молодой Дейтон будет? – спросила она. – Уж такой красавчик.

– Собирался прийти, – ответила я, опустив взгляд.

Бетси, заметив мое смущение, тут же увела разговор дальше, интересуясь, сколько всего будет гостей и останутся ли они ночевать.

– Дейтоны и Фарли точно будут. Коннорсы, Бейли и Леманы должны прибыть из столицы телепортом, – начала перечислять я. – Знаю, не очень много гостей, но ничего. Впереди еще столько балов!

Доброе веснушчатое лицо Бетси расплылось от умиления.

– Счастливица вы моя! Сердце радуется, на вас глядя!

Чтобы нарядить меня в бальное платье, пришлось позвать на помощь вторую горничную. Лиф так плотно стянул грудь, что я едва могла вздохнуть, зато платье село идеально. Сафьяновые туфельки, тонкие кружевные перчатки и аккуратный кулон с сапфиром завершали образ.

Служанки в четыре руки поправляли выбившиеся из прически пряди, когда раздался стук в дверь.

– Нет ли здесь одной симпатичной девчонки, которой сегодня исполнилось восемнадцать лет? – весело спросил Патрик. – Я пришел, чтобы отвести ее на бал.

Хотелось запрыгать от радости, но я теперь не ребенок! Пора учиться ходить медленно и степенно. Однако, пройдя два шага, я не выдержала и вприпрыжку побежала открывать.

– Есть! – крикнула я.

Никогда не забуду лицо брата, когда он увидел меня в первый раз со взрослой прической, в бальном платье. Он обычно смотрел на меня со снисходительной нежностью, я была для Патрика «малышкой» и «стрекозой», младшей сестренкой, которую надо защищать и над которой можно подшучивать. Но когда я появилась на пороге, обычная дурашливая улыбка сползла с его лица. Пат пару раз быстро моргнул, словно проверял, что глаза его не обманывают.

– Ух! – сказал он, похоже, растеряв все слова. – Ого!

Но замешательство брата длилось недолго.

– Признавайся, ты загадала джинну желание затмить сегодня на балу всех остальных девушек, – шутливо сказал он.

Лучше бы он не упоминал джинна! Я тут же вспомнила, что браслет так и валяется под кроватью, а если Патрик сейчас посмотрит на полку и не обнаружит подарка на обычном месте, он обо всем догадается.

Поэтому я поскорее взяла его под руку.

– Гости уже прибывают? – спросила я, уходя от скользкой темы.

– Да, ждут в гостиной и хотят поприветствовать тебя!

Весь первый этаж дома был украшен цветами в честь моего дня рождения. Мне посчастливилось родиться в конце августа, когда георгины, астры и хризантемы раскрашивают сад в

яркие цвета. Клумбы оставались пышными даже после того, как садовники срезали цветы к сегодняшнему торжеству.

Прибывших гостей провожали в большую гостиную, где для них приготовили стол с закусками. Я издали услышала шумные веселые голоса и замерла на месте, закусив губу.

– Волнуешься, маленькая сестренка?

Брат ласково накрыл ладонью мою руку, лежащую на сгибе его локтя.

– Я с тобой. Я всегда буду с тобой, стрекозка.

Я набрала в грудь побольше воздуха, насколько позволял тесный корсет, и заставила себя улыбнуться. О чем переживать? Подумаешь, первый взрослый бал, первое взрослое платье, это ведь все равно я – та самая Вивиан, которую все хорошо знают.

Пока я собиралась с духом, в коридоре, идущем от пристройки с телепортом, появилось семейство Бейли, сопровождаемое лакеем. Виконт Бейли, его жена леди Арина и две их дочери – Камилла и Талия.

– Виви! – позвала меня Талия.

Они с сестрой бросились навстречу и закуружили меня, разглядывая наряд и наперебой нахваливая ткань и покрой.

– Ну-ну, девушки, вы совсем смутили нашу именинницу! – урезонил дочерей лорд Бейли. – Но должен признать, что ты, моя дорогая Вивиана, выглядишь потрясающе.

Смеясь и разговаривая, мы вошли в гостиную, заполненную людьми. Семья Бейли прибыла последней, остальные приглашенные уже собрались. Патрик подвел меня к родителям и отошел.

Я встала между папой и мамой, готовая принимать поздравления. Щеки пылали, дыхание теснилось в груди. Было одновременно и боязно, и радостно. Я обвела взглядом помещение, сама не зная толком, кого выискиваю, но заметила Адриана, стоящего у камина с бокалом вина в руке, в тот же миг поняла, что именно его хотела увидеть, и сразу успокоилась.

Он тоже посмотрел на меня. Я улыбнулась, он, помедлив мгновение, улыбнулся в ответ и отхлебнул из бокала. Вид у него сделался отстраненный и задумчивый.

Из-за его секундного замешательства я тут же начала терзаться глупыми мыслями: «Наверное, я ошиблась. Адриан с удовольствием общался со мной, пока я была ребенком, но сейчас я взрослая девушка. Может, я ему совсем не нравлюсь. Зачем я ему первая улыбнулась? Теперь он думает, что я липучка. Больше нельзя на него смотреть. Ну вот, я снова на него посмотрела!..»

Гости подходили по очереди, чтобы поприветствовать меня. Через некоторое время начало казаться, будто я объелась меда: так сладко стало от поздравлений. Мол, свет давно не видел таких красавиц и умниц, и мой будущий муж станет самым счастливым человеком на земле, и я несомненно послана родителям в награду за их добродетель.

– А я-то был уверен, что ты была послана нам всем в наказание, – чуть слышно шепнул Патрик и вручил мне фужер с игристым вином. – Ух, каким же ты была маленьким нытиком!

Я шлепнула его по плечу и хихикнула. Брату всегда удавалось разрядить обстановку.

Граф Дейтон и барон Фарли стояли у стены, рядом со столиком, загроможденным подарками, и что-то обсуждали, сблизив головы. Кольнула неприятная мысль, что нерешенный вопрос о землях все-таки испортит мне праздник, но тут оба отца семейства опомнились и подошли, чтобы поздравить меня с совершеннолетием.

Напрасно мама переживает! Нашим добрососедским отношениям ничто не навредит.

Последним подошел Адриан. Он будто специально выжидал. Хотел меня помучить? Я слышала, взрослые парни любят эти игры, чтобы привлечь девушку. Нужно вести себя то холодно и отстраненно, то дружелюбно и весело. Я просто никак не предполагала, что человек, которого я знаю с детства, станет оттачивать на мне «искусство любви». Так, кажется, называют это в свете?

Как многому мне еще предстоит научиться! Как боязно выходить во взрослую жизнь.

– Ну, вот и ты, – сказал Адриан.

– Вот и я... – растерянно подтвердила я.

– Больше не ребенок.

– Да, я знаю...

Какой необычный у нас разговор.

У Адриана дернулся уголок губ. Он быстро наклонился к моей руке, чтобы скрыть странное выражение лица.

– Все вальсы – мои, – твердо произнес он, когда распрямился. – Особенно последний.

Он кивнул и стремительно отошел, оставив меня с трясущимися руками и звенящей пустотой в голове. Что он имел в виду, говоря о последнем вальсе? Считается, что кавалер приглашает даму на заключительный тур вальса, если окончательно определился с выбором.

Значит ли это, что Адриан собирается в скором времени сделать мне предложение? Руки в перчатках вспотели, над губой тоже выступили крошечные капельки пота.

Патрик внимательно посмотрел на меня, словно спрашивал взглядом, не нужна ли помощь. Я едва заметно качнула головой: «Все в порядке, я справлюсь!»

– Приглашаем дорогих гостей пройти в зал! – У входа в гостиную появился распорядитель бала.

В подтверждение его слов раздались первые такты общего обязательного танца – лунарии.

Вот и хорошо, начну танцевать и успокоюсь. Адриан рано или поздно раскроет свои планы относительно меня, а то, может, он просто дурачится.

*** 6 ***

Лунарию обязаны танцевать все гости, даже почтенные отцы и матери семейств – таковы правила. Да его и танцем-то сложно назвать: пары степенно сходятся и расходятся под музыку, зато одышка никому не грозит.

Мы с Патриком шли первыми. Брат твердо держал мою руку, и его уверенность постепенно передалась мне. Когда отзвучала последняя нота, от волнения не осталось и следа, я и вспомнить не могла, из-за чего распереживалась.

– «Вальс золотистых листьев»! – объявил распорядитель бала следующий танец.

Пат, стоящий рядом, поклонился, собираясь снова пригласить меня, но Адриан его опередил, стремительно появившись из-за спины. Он держал обещание приглашать меня на все вальсы.

– Дружище! – Он хлопнул Патрика по плечу. – Позволь и мне танцевать с нашей прелестной хозяйкой бала.

Пат демонстративно отряхнул плечо – он не любил фамильярностей – и сдержанно сказал:

– Если Вивиан не против.

– Я... – В горле пересохло, и голос прозвучал сипло. – Я согласна.

Патрик уступил место Адриану, и тот решительно принял мою ладонь. Вторую руку положил на талию и умело повел за собой в танце. Вальсировал он великолепно, с таким партнером не надо задумываться о поворотах, не нужно считать шаги – а я, признаюсь, довольна неуклюжа в этом.

– Я ведь тебя не поздравил, Виви, – негромко сказал Адриан, склоняясь с высоты своего роста к моей голове. – Обомлел от твоей красоты. Но это меня не извиняет!

О! Так он обомлел от красоты! Это его извиняло, да еще как, но вслух я пролепетала только:

– Ничего страшного. Я сама очень рассеянна сегодня.

Снова сделалось жарко, кровь бросилась к лицу.

– Ты уже не ребенок, Вивиана. Сегодня я увидел, как ты расцвела, и я... Тебе нехорошо, Ви? – Адриан заметил красные пятна на щеках и запнулся на полуслове. – Выйдем подышать свежим воздухом. Держись за меня.

Патрик проводил нас настороженным взглядом, когда мы шли мимо него к открытой двери на террасу. Ему не нравилось, что мы с Адрианом останемся наедине: теперь я не малышка, и разговор с молодым мужчиной без свидетелей может меня скомпрометировать.

Брат двинулся следом, но я, обернувшись, качнула головой. Он еще сильнее нахмурился, однако уступил. Столько забот с младшей сестрой! Вместо того, чтобы самому веселиться и отдыхать, Патрик теперь будет караулить меня у входа.

На террасе было прохладно, неярко горели магические светильники, стоящие рядом со скамейками, на которых были разложены подушечки и пледы. Из приоткрытых дверей приглушенно доносилась музыка, но так тихо, что не мешала разговаривать вполголоса.

Мы прогулялись до самого края террасы, где Адриан усадил меня на скамейку и укутал в теплую ткань. Я улыбнулась, узнав те самые пледы, которые забрала мама, – вот и им нашлось применение.

Лорд Дейтон примостился рядом и, отыскав мою ладонь в складках материи, пожал ее. Он сидел так близко, что я слышала его дыхание.

– Ты дрожишь? – спросил Адриан и накинул на мои плечи еще один плед. – Замерзла?

Я дрожала. Но не столько от холода, сколько от смятения. Адриан ведет себя со мной так, будто моя судьба решена, – задрожешь тут.

– Ты уже не ребенок... – повторил лорд Дейтон и добавил: – Даже жаль...

Я вскинула удивленный взгляд.

– Почему жаль?

– Да потому, что взрослая жизнь, Виви, таит в себе много сюрпризов, – ответил он, перебирая мои пальцы. – Иногда очень неприятных сюрпризов.

– Неприятных? – переспросила я, окончательно запутавшись.

Необычное начало разговора. Я думала, Адриан привел меня на террасу, чтобы поговорить о серьезности своих намерений, а он, хоть и держал меня за руку, не выглядел влюбленным. Наоборот, хмурился, словно думал о чем-то невеселом.

Он вынырнул из размышлений и улыбнулся.

– Скажи, Ви, ты ведь как единственная дочь графа зачарована на рождение первенца-мальчика?

Вопрос меня просто оглушил. Да, действительно, когда мне исполнилось двенадцать лет, отец отвез меня к именитому столичному магу, который работал с аристократами. От клиентов отбоя не было, хотя маг использовал всегда два-три самых ходовых магических плетения: зачаровывал девочек, чтобы после замужества первым у них всегда рождался мальчик, наследник.

Что и говорить, это избавляло от многих проблем в будущем. Ведь если в семье появятся только дочери, то имение и земли отойдут к ближайшему родственнику мужского пола. Кому это надо?

Меня тоже зачаровали, конечно.

Но как Адриан мог выспрашивать о таких деликатных вещах, еще не заикнувшись о предложении? Решает, не прогадает ли?

Сделалось гадко и тревожно.

– Вернемся в зал? – предложила я, оглядываясь и надеясь разглядеть шевелюру Патрика, маячившего у входа.

– погоди, Ви. – Адриан держал крепко. – Я не хотел оскорблять тебя. Это важно. Просто ответь.

– Да! – бросила я. – Будто ты ждал другого ответа.

– Отлично! – сказал Адриан, даже не пытаясь скрыть радость.

Я смотрела на него во все глаза и не могла поверить, что лорд Дейтон окажется настолько бесцеремонным. Вот он – первый неприятный сюрприз.

– Проводи... – начала было я, но не успела закончить.

Адриан надвинулся на меня, заставляя запрокинуть голову, взял мое лицо в ладони и накрыл рот поцелуем.

Я не сопротивлялась, настолько я оторопела. Меня никто никогда не целовал, и я не ожидала, что это случится здесь и сейчас. Какое-то безумие! Адриан прежде так не поступал. Какая муха его укусила? Мне он всегда нравился, но сейчас я чувствовала скорее страх, чем восторг.

Адриан вел себя так... по-хозяйски! Будто уже стал моим мужем и ему не нужно спрашивать разрешения взять то, что принадлежит ему по праву.

Он надавил языком, заставляя губы раскрыться, и погрузил его в меня, целуя так страстно и жадно, что у меня на глаза навернулись слезы. Я вцепилась в плечи Адриана, пытаюсь оттолкнуть от себя, но он не обратил внимания на мои попытки.

От Адриана пахло вином. Сколько он успел выпить?

Наконец, когда я почти задохнулась, он выпустил меня из объятий. Скользнул властным взглядом по моему побелевшему лицу – он продолжал держать его в ладонях, и я застыла, опасаясь, что поцелуй возобновится.

Адриан обвел подушечкой большого пальца контур моих припухших приоткрытых губ.

– Поздравляю с началом взрослой жизни, Виви, – хрипло сказал он.

Я смотрела на Адриана и не понимала, что чувствую. Он мне все еще нравится? Или я его боюсь?

Теперь, после случившегося, он обязан просить моей руки. Я ждала предложения и лишь потому не убежала в зал под защиту Патрика.

Ух, если он узнает, что сделал Адриан, он его просто порвет на части!

Человек, которого я любила вот уже три года, или мне казалось, что любила, изящно поднялся на ноги и помог мне встать.

– Возвращайся на праздник, Ви, – сказал он. – Повеселись.

– А ты?..

Он не собирается меня проводить? Что происходит?

– Повеселись, Ви, – повторил он вместо ответа на вопрос. – Впереди долгая ночь.

Адриан улыбнулся и, сбежав вниз по ступеням с террасы, отправился в темноту.

*** 7 ***

Патрик нашел меня на террасе спустя несколько минут. Я сидела, вцепившись в подушечку, и переваривала случившееся.

– Вот ты где, стрекозка! – весело воскликнул он, но потом разглядел в темноте мое лицо. – Что-то случилось? Где Адриан?

Я неопределенно махнула рукой в сторону росших вдоль подъездной аллеи деревьев.

– Он пошел освежиться. А я... тоже не хочу возвращаться в душный зал.

Пат бухнулся рядом, вытянул ноги, и, задрав голову, залюбовался яркими звездами. Молчал-молчал, а потом выдал:

– Знаешь, Ви, Адриан никогда мне не нравился. Он лицемерный кусок де... Хм... Я хотел сказать – лицемерный паршивец.

Я, вздохнув, примостила голову брату на плечо. Как все запуталось за один только вечер! Еще утром я обмирала от счастья, представляя, как буду танцевать с Адрианом. О поцелуе и мечтать не смела, разве что о нежном пожатии руки. Но вот поцелуй свершился, а я совсем не была счастлива. Почему так?

– Ви, я давно хотел тебе сказать, – продолжил Пат. – Ты теперь взрослая девушка...

Я напряглась. Неужели с наступлением взрослой жизни, как и обещал Адриан, начнутся неприятные сюрпризы?

– Ви, знаю, ты ни за что не захочешь огорчить родителей непослушанием, но иногда, поверь мне, вовсе не обязательно подчиняться им во всем! Жизнь такая сложная и прекрасная штука. Не обязательно выходить замуж за человека, на которого укажут, рожать детей и заниматься хозяйством. Ты слишком уж покорная дочь, Виви.

Если бы Патрик сейчас сказал, что Луна упадет на Землю, я и то удивилась бы меньше! Вот это новости. Пат упрекает меня в том, что я не спорю с родителями и всегда делаю то, о чем меня просят? Обычно за это не ругают!

– Пат! – возмущенно воскликнула я. – Но как иначе! Я должна выйти замуж! Уверена, что родители подберут мне подходящего жениха!..

Вздых брата, переходящий в стон, отбил всякое желание продолжать.

– Ты безнадежна, Ви. Оглянись вокруг, сколько всего интересного ты можешь упустить! За стенами нашего имени совсем другая жизнь! Ты могла бы поступить в академию...

– Что мне там делать? – спросила я резче, чем хотела. – Я не собираюсь учиться!

– Я хочу жениться, – передразнил меня Пат.

Я шлепнула его по руке.

– Я не знаю, чего я хочу... – призналась я, помедлив.

– Никаких желаний, значит?

– Угу...

– По крайней мере, пообещай мне, что не выйдешь замуж за этого хлыща!

Это он про Адриана? Ох...

– Поздно, – прошептала я.

Только что Патрик любовался небом, покачивал носком ботинка, но после моего признания он резко сел и, взяв меня за плечи, оглядел от макушки до пят. Зацепился взглядом за подушку, которую я прижимала к животу. Он так крепко сжал скулы, что они побелели.

– В смысле «поздно»? – Голос брата звучал жестко, но он тут же смягчил его. – Стрекозка, что эта тварь...

– Мы целовались! – выпалила я. – Теперь он должен просить моей руки!

Патрик всмотрелся в мое лицо, крепко обнял меня и расхохотался.

– Целовались! Ты меня испугала, Ви. Я невесть что подумал. Поцелуи – это ерунда. Возможно, ты удивишься, но никто не делает предложения руки и сердца после поцелуя.

Сделалось неприятно. У меня сегодня прямо вечер открытий. Я оттолкнула Патрика и скрестила руки на груди.

– Еще посмотрим!

– Ты хочешь провести с этим человеком всю жизнь, Ви? – тихо спросил Патрик.

– Да! Нет... Не знаю...

Патрик мягко улыбнулся.

– Это просто детская влюбленность, Виви, это пройдет. Я надеюсь, Адриан поцеловал тебя не против воли?

Много раз потом, вспоминая наш разговор, я пыталась представить, что было бы, расскажи я брату правду. О странных вопросах Адриана, о его грубости. Что если тогда еще можно было все изменить и маятник моей судьбы качнулся бы в другую сторону?

Но я, обидевшись на брата, ответила:

– Он отлично целуется, Пат!

Брат невесело хмыкнул:

– Куда ты дела мою младшую сестренку, незнакомка?

И тут же прижал палец к губам и взгляделся в темноту. Мне тоже показалось, что в саду раздался шум, а в конце подъездной аллеи мелькнула тень.

– Да просто кошка, – пожала я плечами.

– Крупновата для кошки. Я пойду проверю...

– Патрик, не ходи! У меня день рождения, а все разбегаются! Адриан ушел, теперь ты! С кем мне танцевать, с этим жирдяем Филиппом? Папа только недавно обновлял охранные амулеты на ограде, никто не зайдет, если не открыть ворота изнутри!

Патрик пару мгновений колебался, потом уступил и пошел следом за мной.

После разговора с братом мне стало легче на душе. Зачем, правда, торопиться с замужеством? Может, Адриан совсем не тот человек, который мне нужен.

Пока нас не было, веселье зашло на новый круг. Отплясывали не только сестры Бейли, толстяк Филипп Коннорс и Август Леман, которому едва исполнилось шестнадцать, поэтому все звали его «малым». Подумать только, теперь я считаюсь взрослой, а он все еще ребенок! Танцевали даже родители, словно вспомнив, что недавно были молодыми. Тучный барон Коннорс – сразу ясно, в кого пошел сынок, – кружил в вальсе жену, а худощавый виконт Бейли пригласил мою маму.

Только старшие Дейтоны и Фарли не принимали участия в веселье, стояли у стены и напряженно поглядывали на двери, ведущие на террасу.

Закуски на столе заканчивались, слуги не успевали уносить пустые бутылки из-под вина и лимонада. Приглашенные музыканты выбивались из сил, наигрывая быстрые мелодии.

Я рассмеялась, охваченная счастьем.

– Наступило время «Каскада», – возвестил распорядитель бала.

Каскад – заключительный танец, который может длиться час, два, а то и больше. Это танец-игра, когда танцующие должны исполнять особенные фигуры, а их бесчисленное количество. Я сама иногда путалась, что делать в «Пирамиде», а что в «Полете бабочек». Хорошо, что родители с малых лет устраивали званые вечера: в сезон невест я не буду выглядеть провинциалкой-неумехой.

– Мышеловка! – объявил распорядитель первую фигуру.

В зал вошли слуги с корзинами, в которых лежали ленточки с закрепленными на них бубенцами. Мужчины обвяжут ленточки вокруг руки каждой леди, чтобы найти их даже с закрытыми глазами, ведь мы станем танцевать в темноте.

Я огляделась в поисках Адриана, но он так и не появился в зале. Так-то он выполняет обещания насчет последнего вальса? Патрик вытащил из пестрой мешанины фиолетовую, под цвет моего платья, ленту и завязал мне на запястье.

– Сколько свечей оставить, ваше сиятельство? – обратился распорядитель бала к отцу.

Чем меньше света, тем интереснее.

– Сколько, Ви? – спросил меня папа.

– Пять! – ответила я.

Свет магических светильников медленно погас, и зал погрузился в темноту. Слабое мерцание огоньков едва разгоняло ее.

*** 8 ***

Смычки тронули струны скрипок и виолончелей, и под потолок взлетела нежная мелодия. Фигура Патрика в мерцании свечей превратилась в широкоплечий силуэт, отсветы пламени искрами вспыхивали на пуговицах сюртука, белокурые волосы и сами как будто немного сияли.

Пат взял меня за руку и повел по кругу. Таинственно и тихо ступали другие пары, позвякивали бубенцы на руках дам. В полумраке я не могла различить танцующих, угадать можно было разве что толстяка Филиппа. Или это его отец?

Гости причудливо отражались в зеркалах, так что через некоторое время стало казаться, будто их стало в два раза больше.

Внезапно пронзительно взвизгнула скрипка, смолкла, словно захлебнулась. Кто-то вскрикнул от боли. В одно мгновение стихли инструменты. Испуганный мужской голос умоляюще произносил слова, но их невозможно было разобрать.

Пары застыли на месте, озираясь. Никто не понимал, что происходит. Патрик притянул меня к себе, обнял одной рукой за плечо. В другой блеснул металл: брат всегда носил у пояса длинный кинжал.

– Свет! – крикнул мой отец. – Включите свет!

Магические лампы под потолком разгорелись медленно, будто неохотно. Зажглись не все, зал по-прежнему был тускло освещен. Но и этого света оказалось достаточно, чтобы рассмотреть ужасающие подробности.

Перепуганные музыканты сидели над нотами, подняв руки. Скрипач, опустив инструмент на колени, зажимал глубокую царапину на шее – сквозь пальцы выступала кровь. Он, выпучив глаза, смотрел на человека в пыльном плаще и черной маске, который поигрывал в воздухе мечом, будто готовясь нанести еще один удар. На этот раз смертельный.

– Никому не двигаться! – крикнул он.

Человек в маске был не единственным в зале. Оглядевшись, я насчитала по меньшей мере десяток. Они ходили между гостей, отбирая у мужчин оружие, бесцеремонно хватая женщин за подола платьев, заставляя их вскрикивать и шарахаться.

Разбойники! Как они попали в имение, защищенное охранными амулетами?

Патрик, спрятав до поры кинжал под плащом и прижав меня к груди, начал шаг за шагом отступать к двери в коридор.

– Что вам нужно? – спросил отец, побледневший, но не растерявший достоинства, и тихо обратился к маме, прижавшейся к его руке: – Не волнуйся, дорогая, этим людям нужны только деньги. Они получают их и уйдут.

– Пат... – выдавила я дрожащим голосом.

– Ш-ш-ш, стрекозка, – прошептал он, наклонившись к моему уху. – Я рядом. Я не дам тебя в обиду.

Растерянные мужчины как могли оберегали своих дам. Даже малой Август Леман, у которого дрожали губы, заслонила узкой спиной рыдающую Талию.

Была во всем этом лишь одна странность, не сразу бросающаяся в глаза. Когда сердце, летящее галопом, чуть-чуть успокоилось, я заметила, что зале нет ни Далилы Дейтон, матери Адриана, ни Изабеллы Фарли – жены виконта. Почудилось, будто край алого атласного платья Изабеллы мелькнул за окном, выходящим на террасу.

Граф Дейтон стоял, сунув руки в карманы брюк, и осматривал зал отнюдь не как пленник. И ни один разбойник не отобрал его саблю, болтающуюся у пояса. Граф улыбался, наклонив голову набок, отчего стал походить на воинственного петуха, и ждал, пока мужчины сложат оружие.

Отец, выругавшись – я вздрогнула от его сурового тона и от слов, которых он никогда не произносил в моем присутствии, – бросил на пол кинжал.

Пат, после того как в его грудь уперлось острие меча, поднял обе ладони вверх, показывая, что безоружен: он умудрился запахнуть кинжал за пояс моего платья, пока я прижималась к нему спиной.

Отец безотрывно сверлил взглядом самодовольное лицо графа Дейтона, своего ближайшего соседа и, как мы все думали, хорошего знакомого. Кажется, он, как и я, начал догадываться, кто стоит за нападением.

Неужели Адриан с ним в сговоре? Сколько я ни оглядывалась, я не могла увидеть среди толпы наследника графа.

Так как никто из разбойников не ответил на вопрос отца, он, сузив глаза, обратился к графу Дейтону:

– Видимо, ты тот человек, которого я должен спросить: чего тебе нужно?

Томас Дейтон вскинул голову и резко захлопал в ладоши. В тишине, где раздавались лишь испуганные вздохи да редкие всхлипывания, звук аплодисментов прозвучал подобно пушечному выстрелу. По телу пробежал озноб. С каждой минутой делалось все страшнее.

– Мой дорогой друг, – хрипло произнес граф. – Мой гостеприимный сосед. Не сказать, как я рад, что удостоен чести быть приглашенным на празднование совершеннолетия твоей дочери.

– Ты сошел с ума, Томас? – воскликнул барон Коннорс.

По его бледному как полотно пухлому лицу струился пот.

– Что ты тут устроил? Отпусти нас немедленно и принеси извинения. Это...

Мелькнула сталь в руке мужчины в маске, барон Коннорс, захрипев, схватился за шею. Сквозь его сомкнутые пальцы толчками изливалась кровь, крупные капли усеивали натертый до блеска пол.

Я закричала. Мой крик утонул во всеобщем вопле ужаса и отчаяния. Патрик закрыл мое лицо ладонью, нашептывая что-то успокаивающее.

– А вот теперь настало время поговорить, – бесстрастно сообщил граф Дейтон, будто бы только что у нас на глазах не произошло жестокое убийство. – Теперь вы меня выслушаете.

Барон Коннорс лежал на полу, раскинув руки, а его несчастная жена, трясаясь как в лихорадке, из последних сил старалась удержаться на ногах и не распластаться рядом с мужем.

– Мы слушаем. – Мой любимый папа как-то умудрялся сохранять самообладание в этом кошмаре и даже поглаживал руку мамы, поддерживая ее. – И постараемся исполнить твои требования, если это в нашей власти.

– Это в вашей власти, – усмехнулся граф. – Умереть – во власти любого человека.

Гости испуганно взвыли. Камилла, не выдержав нервного напряжения, бросилась к дверям, но один из наемников поймал ее, намотав на кулак длинные локоны.

– Тихо, тихо, тихо, – ласково, будто разговаривая с детьми, продолжил граф Дейтон. – Разве я говорил, что должны умереть все? Нет-нет, это вовсе не обязательно. Камилла, малышка, не плачь, тебя никто не убьет.

После этих слов мама Камиллы всхлипнула с облегчением. На лицах гостей теперь вместе с отчаянием проступала безумная надежда.

– Вы нас отпустите? – недоверчиво спросил виконт Бейли. – Зачем тогда это... все?

Граф Дейтон медленно, словно любуясь собственными владениями, обошел зал. Потрогал позолоченные канделябры, провел рукой по шелковым гобеленам, слегка поклонился моей маме, будто отдавая ей должное как хозяйке.

– Ничего личного, дорогие соседи, но спор из-за наших земель решится сегодня.

– Ты сошел с ума, – повторил отец роковые слова вслед за бароном Коннорсом. – Ты думаешь, тебе безнаказанно сойдет с рук такое чудовищное злодеяние?

Граф Дейтон развел руками, на его лице появилось лукавое выражение.

– А при чем здесь я? Это все разбойники, лихие люди! Ничего святого для них нет! Проникли сквозь зачарованную ограду напрямиком на празднование совершеннолетия дочери хозяина! Какое несчастье! Король будет очень опечален!

– Король... – выдохнула мама. Ее пальцы, вцепившиеся в рукав папиного сюртука, побелели от напряжения. – Король знает, не правда ли?

Граф Дейтон лишь усмехнулся вместо ответа, но и так было ясно, что король дал добро на убийство бывшего заговорщика и его семьи.

– Один из гостей, бедный-бедный толстяк барон, тоже был убит! – театрально вздохнул граф. – А остальные...

Он обвел потемневшими глазами зал и глухо добавил:

– Остальные сбежали. Чудом остались живы. Я понятно объясняю?

Я видела, как расслабляются лица гостей. Леди Арина мелко кивала и вполголоса шептала слова благодарности. Она схватила обеих дочерей за руки и потащила к выходу. Следом отправился лорд Бейли. На нас они даже не посмотрели; проходя мимо меня, Талия опустила глаза.

– Так нельзя! – крикнул Август.

И тут же, закричав, схватился за плечо, пронзенное ударом кинжала. Брызнула кровь.

– В стычке, пытаясь защитить хозяйку дома, был ранен юный Август Леман, – холодно прокомментировал происходящее граф Дейтон. – Искренне надеюсь, что больше никто не пострадает от рук разбойников.

Супруги Леман кинулись к сыну и, обняв его с обеих сторон за плечи, медленно повели к выходу. Следом, опираясь на сына, ушла баронесса Коннорс. Поспешно, побросав инструменты и ноты, сбежали музыканты. Никто не оглянулся напоследок. Зал почти опустел.

Я во все глаза смотрела на барона Фарли. Он все это время безмолвствовал. Вдруг еще не все потеряно и он вступится за нас? Не захочет участвовать в жутком преступлении?

Он катал меня на плечах по саду, когда я была ребенком, и я, цепляясь одной рукой за воротник барона, другой срывала с веток спелые яблоки...

Барон вышел вперед и встал рядом с графом Дейтоном.

– Пора с ними кончать, – бросил он.

*** 9 ***

– Терпение, – ответил Томас Дейтон. – Все успеем.

Чего он ждал? Наверное, пока гости покинут имение. Никто не вернется, чтобы помочь. Дверь на террасу приотворилась, в зал вошел Адриан, кивнул отцу и, вальяжно сунув руки в карманы брюк, заслонил выход.

– Мама и леди Фарли уехали, – сказал он. – Мама просит быть милосерднее и закончить дело быстро. У нее разболелась голова, я посоветовал ей лечь в постель, выпить капель и гнать из головы невеселые мысли.

Адриан оставался спокоен, точно речь шла не об убийстве семьи соседей и друзей. Я сжимала руку Патрика, лежащую на моем плече, и лишь поэтому сохраняла остатки самообладания. Я часто и тяжело дышала, хотя хотелось пронзительно кричать.

Я глядела на Адриана и не могла взять в толк, как всего меньше трех часов назад мечтала об одной его приветливой улыбке. Как таяла, украдкой любясь его привлекательным лицом. Адриан по-прежнему был красив: прямой правильный нос, волевой подбородок, густые темно-русые пряди волос, спутавшиеся от ветра. Но теперь при взгляде на свою детскую любовь я ощущала лишь ужас и омерзение.

– Нам всем это не доставляет удовольствия, – добавил Адриан, впервые повернувшись ко мне.

Я вздрогнула всем телом под его тяжелым взглядом, а наследник графа Дейтона обратился к моему отцу:

– Уверен, вас обрадует известие о том, что Вивиана останется жива.

Его слова, сказанные деловым тоном, потрясли меня. Он совсем не напоминал спасителя. И почему-то мысль о том, что я останусь одна в этом мире рядом с Адрианом, пугала сильнее, чем смерть.

– Что? – прошептала мама.

Пока взоры всех были прикованы к Адриану, Патрик снова сделал несколько шагов назад, прижимая меня к себе.

Глаза отца побелели от ярости, он непроизвольно пытался нащупать на поясе рукоять кинжала, забыв, что безоружен.

– Так вот как вы это провернете! – прохрипел он. – Ты!..

Наверное, он многое хотел бы сказать Адриану. Напомнить, как выезжал на охоту с ним и Патом, когда они были детьми, как принимал его в своем доме, как относился если не как к сыну, то как к родному племяннику наверняка. Однако отец запнулся и замолчал, понимая, что любые слова сейчас бесполезны.

О чем догадался папа? Судя по тому, как напряглись пальцы Патрика, сжимающие мою ладонь, и как отчаянно на меня взглянула мама – они поняли.

– Киллиан, благослови их. Ви останется жива, – выдавила она.

Благослови? Я зажмурилась и тряхнула головой. Благословляют, когда просят руки. Но эта мысль была настолько дикой, что я тут же отбросила ее.

Отец молчал, сжав губы в тонкую полоску.

– Не упрямясь, дорогой сосед, – подал голос граф Дейтон, спрятав за добродушным тоном издевку. – Подумай: если Ви выйдет замуж за Адриана, имение достанется твоему будущему внуку.

– Вот как? – сказал отец. – Отдаю должное твоей дальновидности, Томас. Это ведь твой план, недоумку Карлу такое и в голову не придет? Ви останется жива и вынуждена будет раздвигать ноги перед убийцей ее родителей?

Кровь прихлынула к щекам – от грубых жестоких слов отца, от грязной картины, которую я представила.

– Ты хочешь этого, Ви? – Теперь папа смотрел мне прямо в глаза.

Я, дрожа, покачала головой.

– Она останется жива, Кил! – крикнула мама, вцепляясь ногтями в его руку. – Жива!

– Лишь до тех пор, пока не родит сына! – отрезал отец.

– Ладно, хватит, – поморщился Адриан. – Заклятие на первенца сработает и без благоговения. Ви, иди ко мне.

Он приказал ровно с той же интонацией, с какой отдавал команды охотничьим собакам: «Ко мне. Лежать». Лежать и терпеть, пока я буду делать тебе наследника. Так вот какая жизнь меня ждет впереди.

– Нет, – сказала я.

– Малышка, чем быстрее мы придем к супружескому согласию, тем лучше, – ухмыльнулся Адриан.

– Она сказала «нет», ублюдок! – рывкнул Патрик, выхватывая кинжал, спрятанный за поясом моего платья.

Мы стояли в кольце вооруженных людей. Судя по потрепанной одежде и разномастному оружию они были простыми разбойниками – лишь у главаря был меч, остальные держали в руках что что: кистени, длинные охотничьи ножи, самодельные пики. Сброд, нанятый графом Дейтоном.

Сброд, который ничего не понимал в ведении настоящего боя. А Патрика этому обучали с детства.

Он сразу с разворота ударил кинжалом ближайшего мужчину, не щадя, метя в самое незащищенное место – шею. Тот рухнул на пол, забился, зажимая рану.

Патрик подцепил носком сапога упавший из рук разбойника нож и кинул его отцу. Папа поймал нож в полете и тут же, отеснив маму за спину, напал на двух головорезов.

– Спасайтесь! – крикнул он. – Спасай сестру!

Я была в таком смятении, что действовала как механическая кукла, которую дергают за веревочки. Стоило Патрику отпустить мою руку, я встала покачиваясь, озираясь, не зная, что делать дальше.

На нас бежали сразу двое мужчин, подгоняемые гневными окриками графа Дейтона:

– Убить мальчишку! Хватайте девчонку!

Патрик поднырнул под летящий в его голову металлический шар кистеня. Вонзил острие в грудь второго противника, но не пробил кожаный кожух, лишь оттолкнул разбойника с дороги. Брат подтолкнул меня в направлении двери:

– Беги! Беги к телепорту, Ви! Я догоню!

Я побежала, не смея обернуться. До моего слуха долетали тяжелые звуки боя: громкие выдохи, скрежет железа, вскрики и грохот крошащегося под ударами шипастых шаров мраморного пола, звон разбитых окон и зеркал.

Прежде чем выскользнуть в коридор, я все-таки оглянулась и застыла на бесконечные три секунды. Страшная картина мгновенно и навсегда запечатлелась в памяти...

Папа бился как лев, но он тяжело дышал, по рассеченному виску струилась кровь, а штанина его новых красивых брюк, которые он заказал к моему празднику, тоже пропиталась алым. Он старался не наступать на раненую ногу. На него наступали сразу трое, и все же он пока успевал отбиваться. Челка свесилась на один глаз, придавая моему строгому отцу залихватский вид. Будто это все шутка... Будто игра...

Мама беззвучно шевелила губами, которые складывались лишь в одно слово: «Бегите!»

Патрик отступал к выходу, теснимый двумя противниками с ножами. Пату ничего не оставалось, как подставить левую руку, кое-как защищенную плотной тканью сюртука, под

удары лезвий. Они уже прорезали материю, и теперь при каждом ударе вверх и в стороны летели брызги крови Патрика.

Его лицо было спокойным и сосредоточенным: он ждал подходящего момента. Стоило одному из противников поскользнуться, Патрик тут же полоснул его по лицу, по глазам, ослепляя. И воспользовавшись растерянностью второго – ударил его в бедро кинжалом, а после коленом в живот, заставляя упасть.

– Ви, беги!

Перед тем как отвернуться, я заметила, что Адриан не вступает в бой. Он быстро шел вдоль стены в обход, двигаясь за мной.

Я выскочила в прохладный, темный, пахнувший цветами коридор и только теперь поняла, что воздух в зале провонял кровью. Патрик нагнал меня через мгновение, схватил за руку и потащил за собой. Вторую, левую, руку он неловко прижимал к груди.

Нас догнал пронзительный крик мамы:

– Кил! Нет!

Потом она еще раз жалобно негромко вскрикнула. И стало тихо.

Колени подогнулись, я запнулась, почти упала, но Пат обхватил меня за талию, вздернул на ноги.

– Телепорт, Ви, – выдохнул он, ничем не выдав, что наверняка его сердце, так же как и мое, готово разорваться от боли.

*** 10 ***

В зал телепорта вел отдельный переход, где не было окон и дверей. Мы опережали убийц на доли мгновения, но если будем бежать достаточно быстро, то успеем проскочить вовнутрь и запереть тяжелые створки.

Мы не подумали, что граф Дейтон примет во внимание этот путь отступления и заранее выставит пост. Еще несколько шагов, и мы бы оказались в ловушке, зажатые между двумя группами головорезов в узком пространстве.

– Ви, стой.

Патрик резко остановил меня и указал подбородком на длинные колеблющиеся тени в конце коридора. Разбойники ждали за поворотом, не предполагая, что их выдадут магические светильники.

Меня захлестнуло отчаяние: путь к спасению отрезан! Однако Пат тут же дернул меня в сторону: у него появился другой план.

– Господин... – раздался испуганный голос.

Белая как полотно горничная Бетси стояла за портьерой, отделяющей господскую половину дома от половины слуг.

– Тш-ш-ш. – Патрик приложил палец к губам. – Они вас не тронут. Сидите тихо и не высовывайтесь. Дверь в подвал заперта?

Бетси замотала головой, не в силах произнести ни слова.

Подвал? Там хранились продукты, папа оборудовал винный погребок. Что задумал Патрик?

– Из подвала... есть выход на поверхность... – объяснил он на бегу. – За ограду...

Точно! Туда торговцы привозили товар, наша экономка вместе с кухаркой выбирали, чем пополнить запасы, а слуги спускали продукты в подвал, не беспокоя хозяев дома.

Если мы выберемся за пределы имения, появится шанс укрыться в лесу, а после добраться до города. Сейчас, ночью, будет не так-то просто нас отыскать.

За спиной взвизгнула Бетси, ее плаксивые мольбы перебил грубый мужской голос, выпрашивающий у горничной, куда мы побежали.

– В подвал! – пискнула она. – Ой, матушки, не трогайте только!

Патрик вполголоса выругался: мы не успевали добраться до лестницы в подвал. Брат замешкался на секунду, но вот он снова потащил меня в сторону, в боковое ответвление коридора. Тот вел, кажется, в прачечную – в носшибанул застоявшийся запах хозяйственного мыла.

Далеко мы не побежали: Патрик нырнул в неприметную нишу, прикрытую пыльной занавеской. В нише хранились ведра, швабры и щетки.

– Переждем, – одними губами произнес он, прислонился к стене и привлек меня к себе.

Мы старались не двигаться, не издать ни звука, но сбивчивое дыхание так и норовило вырваться изо рта. В двух шагах, за тонкой перегородкой, ходили преследователи. Часть отправились в подвал, другие обшаривали углы, заглядывали во все закоулки. Если кто-то догадается отдернуть занавеску...

С левой руки Патрика капала кровь. Я тихонько, кончиками пальцев погладила его по запястью, спросила одними глазами: «Очень больно?» Пат растянул в улыбке побледневшие губы, покачал головой.

– Никого тут нет! – крикнул наемник из глубины дома.

– Ищите лучше! – рявкнул Адриан.

Он стоял совсем близко – достаточно протянуть руку. Я вздрогнула всем телом. Клянусь, не нарочно, но страх оказался сильнее меня.

Повязка с бубенцами все еще была надета на запястье. Проклятые бубенцы забряцали от неловкого движения, и их негромкое звяканье в тишине прозвучало громом.

Патрик выхватил из-за пояса заляпанный кровью кинжал и едва успел отодвинуть меня за спину, как хлипкую занавесь, скрывающую нишу, сорвали с петель.

За ней стоял ухмыляющийся Адриан, а за его спиной маячили четверо разбойников.

– Парня убить, девчонку ко мне, – скомандовал он и отошел за спины головорезов.

– Трус! – крикнула я. – Сразись как мужчина!

Адриан расхохотался в ответ.

Наемники, переглядываясь, обнажили ножи. Они не слишком-то рвались в бой, уже зная, как сражается Патрик. К тому же здесь, в тесном коридоре, невозможно пустить в ход кистень, да и не нападешь всем скопом, мешая друг другу. Разбойники замерли, набычившись, ожидая, пока мой брат сделает первый ход.

А Патрик, вместо того чтобы напасть, вдруг крикнул:

– Зажмурься, Ви!

Он сорвал с руки один из тонких браслетов-артефактов и швырнул его во врагов.

– Вспышка! – приказал он, активируя магию.

В глаза ударил свет, ослепляя даже сквозь зажмуренные веки. Раздался грохот. Патрик потянул меня за собой, и я едва не споткнулась о тело разбойника, лежащего на пороге. Врагов оглушило и разметало, но скоро они придут в себя. У дальней стены стоял Адриан, опираясь рукой на оставленный кем-то стул, и тряс головой.

Мы снова побежали. На этот раз я просто не представляла куда: телепорт перекрыт, у подвала нас тоже ждут. Удивительно, но брат вел к парадной лестнице, идущей наверх, в жилые комнаты. А куда дальше? На крышу? Я ничего не понимала.

– Пат? Патрик? Куда?..

«Мы» недосказанным повисло в воздухе, я не успела его произнести: мы завернули за угол, и в это мгновение меч, который держал в руках граф Томас Дейтон, вонзился в грудь моего брата.

Патрик закричал, уронил кинжал и схватился за лезвие обеими руками, старясь удержать, но граф откинул его к стене и, навалившись всем телом, сантиметр за сантиметром погружал металл в тело Пата.

Патрик закашлялся, изо рта хлынула кровь. Я только тогда осознала чудовищную реальность: это конец. Они добрались до нас. Все. Спасения нет.

По коридору, из которого мы выбежали, медленно приближался Адриан. Он больше не торопился.

– Ви, малышка, бежать некуда, – весело сказал он, торжествуя победу.

У них все получилось. Ну почему же так... несправедливо...

Я потянулась к Патрику, прищипленному к стене, чтобы обнять в последний раз. С его губ срывались тихие хрипы, но, когда он прижался губами к моей щеке, хрипы превратились в слова:

– Бе... ги... Брас... лет...

Граф Дейтон выдернул меч, и Патрик осел на пол, его голова свесилась на грудь, но он последним усилием воли поднял на меня гаснущий взгляд и прошептал, преодолевая боль:

– Браслет, Ви...

Только тогда я поняла, куда нас вел Патрик в последней отчаянной попытке спастись. Джинн! Загадывать ему желания смертельно опасно, джинны коварны и никогда не исполняют их точно. Однако Пат просто не видел иного выхода, как только обратиться за помощью к этому жестокому и хитрому существу.

Я всхлинула и побежала. Адриан так опешил – он не ожидал от меня подобной прыти, – что в погоню бросился не сразу, дав мне фору.

Но он здоровый сильный мужчина, а я перепуганная девушка. Я слышала за спиной его быстрое дыхание. Стоит мне один раз споткнуться!..

Я взлетела по парадной лестнице, бросилась налево – к своим покоям. Дверь в спальню открыта: здесь меня уже искали. Я кинула взгляд на полку, покрылась мурашками от ужаса, когда поняла, что бархатная подушечка, где прежде лежал браслет, пуста, а потом вспомнила, что сама зашвырнула его под кровать.

– Испугалась, малышка, – бархатным голосом произнес Адриан. – Не бойся. Жене не следует бояться мужа.

Он, думая, что загнал меня в мышеловку, встал у дверей.

Я упала на четвереньки и поползла к кровати, не обращая внимания на смех Адриана. Зашарила по полу, чувствуя лишь пустоту. По лицу катились злые слезы. Если браслет отлетел к стене, я ни за что его не найду.

Когда я уже почти сдалась, ладонь почувствовала холод металла. Я защелкнула браслет на запястье и вскочила на ноги.

– Появись! – заорала я.

Джинн возник так же стремительно, как прежде исчез. Будто шагнул из пустоты. В полутьме он казался еще более страшным и потусторонним созданием. В глазах вокруг черной радужки билось алое пламя. Узоры на халате светились золотом.

Адриан издал странный давящийся звук. Однако джинн смотрел только на меня. И в этом взгляде было столько ненависти!..

– Мы договорились! – прогреготал его голос. – Договорились, что ты больше никогда меня не призовешь!

Объяснять не было времени. Да какой смысл объясняться с врагом? Он просто был меньшим злом, обязанным выполнять мои желания.

– Я желаю! – крикнула я.

И джинн замолчал, сжав кулаки.

– Я желаю! Спрячь меня так, чтобы никто не нашел!

*** 11 ***

– Да будет так! – глухо произнес джинн.

И мир погрузился во тьму.

Когда проходишь через арку телепорта, ты словно ныряешь в ледяное молоко – все вокруг становится белым и таким холодным, что, кажется, еще чуть-чуть – и превратишься в сосульку.

Сейчас же появилось чувство, будто во всем мире выключили свет, даже свет звезд и луны. И выключили все звуки, я словно оглохла и ослепла: я успела испугаться, что джинн так вывернул мое желание, что я теперь навеки останусь калекой. Калекой, с которой Адриан сделает все, что посчитает нужным.

Но очень скоро темнота потихоньку начала рассеиваться. Из сумрака выступили угрюмые кирпичные стены, покрытые плесенью. Сквозь крошечные оконца под потолком проникал свет ночных фонарей. На полу валялись полуистлевшие тряпки и гнилая солома. Чуть слышно капала вода.

Я стояла босая на холодном полу, наряженная вместо платья в длинную домотканую рубаху, подпоясанная веревочкой: так ходили самые бедные селянки. Дрожа в ознобе, я испуганно оглядывалась.

Джинн высился в тени, у стены, и молчал. Было страшно смотреть на его темную фигуру, на пламя в его глазах. Наверное, будь его воля, он бы меня сразу убил.

«Нельзя показывать испуг, – подумала я. – Он раб браслета, он мой раб и обязан слушаться. В любом случае помощи ждать больше неоткуда».

– Где мы? – спросила я, все время стараясь помнить, что я его хозяйка и не должна трястись от ужаса. – Куда ты меня притащил?

Джинн слегка поклонился, но этот поклон выглядел изощренным издевательством.

– Спрятал, как было велено.

Ясно, прямого ответа я от него не дожусь: этот гад будет только посмеиваться и изворачиваться.

Я начала обходить каморку вдоль стен и заметила дверь, сколоченную из грубых досок. Изнутри на двери не обнаружилось ручки – вот так так!

– Эй, – тихонько позвала я, припадая к замочной скважине. – Кто-нибудь!

В коридоре слышались шаги. Мне не могло померещиться! Я осторожно постучала, но ответа так и не дождалась. Тогда я заколотила изо всех сил.

– Эй! Откройте!

Повернулся ключ, и дверь распахнулась так резко, что я едва не врезалась головой в живот неприятного субъекта, и тут же шарахнулась назад. Дядька приподнял фонарь за медную ручку, поднес к самому моему лицу, ослепив светом. Сначала я разглядела неопрятную бороду, которая топорщилась во все стороны, и только потом – мундир тюремщика.

– Не шалить! – рявкнул тюремщик.

И, хотя я не делала никаких попыток сопротивляться или бежать, схватил меня за плечо и хорошенько потряхнул. У меня клацнули зубы.

– Простите... – прошептала я. – Можно вас спросить?

Наверное, понадобилось бы что-то посерьезнее вонючей тюремной камеры и грубого окрика, чтобы вытеснить из моей головы правила хорошего тона... Тюремщик опешил. Поднял фонарь над головой, чтобы рассмотреть меня внимательнее.

– Тьфу ты, я уж подумал, высокородную какую сюда впихнули. Чего тебе, девка?

Я не знала, как задать вопрос. Зачем-то оглянулась на джинна, слившегося с тенями. Охранник его будто не замечал. Может, джинна вижу только я?

– Где я? Что со мной будет?

– Знамо где! В городской тюрьме. А будет с тобой, девка, великое счастье. Освобождение твоей грешной души. Повесят тебя завтра на рассвете.

– За что? – крикнула я.

Дружелюбие тут же слетело с тюремщика, он мрачно выпятил челюсть и окинул меня тяжелым взглядом.

– Видать, есть за что! Сама знать должна. Может, ребеночка сваво притравила или мужа приколошила. В этой камере у нас надолго не задерживаются. Вечером привезли, утром – лети, птичка, на свободу.

Я онемела от ужаса, а тюремщик, решив, что разговаривать со мной больше не о чем, грохнул дверью.

Выходит, смерти не избежать. У джинна отлично получилось вывернуть мое желание наизнанку. А чего я ожидала от олицетворения самого коварства?

Он так и стоял не сходя с места, и мне чудилась усмешка на его губах.

– Доволен? – прошептала я.

Он не ответил. А я так устала от всего, что у меня не осталось сил на отчаяние и злость. Утром все закончится, вот и хорошо.

Я отыскала кусок тряпки почище, опустилась на него, обняла колени и раскачивалась из стороны в сторону, чтобы хоть немного согреться. «Папа... Мама... Патрик... Папа... Мама... Патрик...» Вот и все мысли, которые метались туда-сюда в моей пустой голове.

Патрик, Патрик... Ты так старался меня спасти! Кто же знал, что злобное существо, выползшее, возможно, из самой преисподней, нас переиграет.

Патрик. Хоть бы раз тебя увидеть. Обнять.

Я замерла, покосилась на джинна. Я понимала, что это глупо и опасно, но, если все равно скоро конец, какая разница?

– Иди сюда, – приказала я, поднимаясь на ноги: колени тряслись, но я держалась. – Ближе. Я хочу тебя видеть.

Джинн шагнул из тени в неяркий круг света, оставленный фонарем. Смотрел с презрением, как на пыль.

– Я желаю, – прошептала я и закричала, пронзенная внезапной надеждой: – Верни мне родителей! Верни мне Патрика!

– Невозможно, – бесстрастно ответил джинн. – Мертвых не воскресить.

В глубине души я знала это, но боль была такой сильной, что я не хотела отступить.

– Я желаю! Я хочу видеть Патрика!

– Да будет так.

На том месте, где только что стоял джинн, появился мой брат. Живой, настоящий! Совсем такой, каким я видела его час назад. В нарядном сюртуке, с веселой улыбкой. Он привычным жестом сунул левую руку в карман, и рука была не ранена. И сам он был невредим!

– Патрик!

Я бросилась к нему, обняла крепко-крепко, положила голову на грудь.

– Патрик...

По моим щекам катились слезы. Я знала, кого обнимаю на самом деле... От Патрика никогда раньше не пахло специями и пряностями.

Он вдруг застонал. На груди разверзлась глубокая рана, сюртук на моих глазах пропитывался кровью. Я шарахнулась, зажимая рот рукой.

Патрик смотрел на меня мертвыми глазами и улыбался.

Вернее, улыбался джинн, очень довольный тем, что нашел еще один способ меня помучить.

Я раньше никогда не падала в обморок, а сейчас словно провалилась в бездонную яму. И, теряя сознание, очень надеялась, что больше не очнусь.

*** 12 ***

Солнце припекало босые ноги, ласково гладило лучами по щекам. Я не сразу вспомнила, где нахожусь, и блаженствовала в дреме. Сегодня день моего совершеннолетия. Вечером придут гости, я в первый раз надену взрослое платье, и все станут смотреть на меня по-новому. Надарят подарков! Самым первым, конечно, придет поздравить Патрик...

Патрик! Ужас вчерашнего вечера хлынул в душу мутным потоком.

Я распахнула глаза. Кошмар наяву продолжался. Меня окружали изъеденные временем и влагой стены, мрачные даже в утреннем свете. Я лежала, закутавшись в грязные тряпки – одежду, оставленную предыдущими смертниками.

Не шевелясь, потихоньку огляделась. Где эта лживая тварь? Он не мог спрятаться в браслет, потому что я не приказала ему убираться. Значит, все еще здесь, замер каменным изваянием и пялится на меня огненным взглядом. Удивительно, что дырок на мне не прожег, пока я валялась без сознания!

Я так ясно представила его злобную физиономию и сжатые в кулаки руки, что картина, которая предстала перед глазами, когда я наконец увидела джинна, заставила меня несколько раз быстро моргнуть.

Джинн сидел, поджав под себя скрещенные ноги, в квадрате солнечного света, падающего из узкого оконца. В его глазах больше не плясали языки пламени, это были обычные глаза, разве что чуть темнее привычных карих. Он выглядел как... Человек! Молодой мужчина, разве что чуть старше Патрика. Ничего потустороннего и жуткого в его облике я не видела, просто парень, выходец из южных земель – смуглый, черноволосый. Джинн вертел в пальцах соломинку, золотившуюся в лучах солнца, и разглядывал ее с таким любопытством, будто сто лет не видел ничего интереснее. Вот он поднес ее к носу и понюхал.

Безобидный облик джинна сбил меня с толку, слова «Я желаю, чтобы ты вернулся в заточение!» замерли на губах. Я приподнялась на локте и сказала:

– Ты на самом деле хочешь моей смерти?

Глупый вопрос, я знаю. Легче мне станет, когда я получу в ответ «Да»? Или я надеялась услышать другое?

Взгляд черных глаз ожег, как горячие угли.

– Мне не дозволено желать чего-либо, – бесстрастно, по своему обыкновению, сказал он, помолчал и добавил: – Но, если бы меня спросили, чего я желаю, я бы ответил: «Забвения».

Теперь он смотрел на браслет, все еще надетый на мою руку и спрятанный широким рукавом рубахи. Я села и приподняла ткань, снова, как в первый раз, изучая вместилище джинна. Странная работа, варварская и будто сделанная впопыхах. Бабочка эта оплавленная... Почему бабочка?

– Ты думаешь... – медленно произнесла я. – Что меня казнят, снимут браслет с моего тела, переплавят в металл и больше никто не сможет тебя призвать?

По сузившимся глазам джинна я поняла, что угадала верно.

– Тюремщики народ простой и не побрезгуют пожить в вещи, снятой с покойника, это правда, – продолжила я, осторожно подбирая слова. – Наверняка они решат, что я его украла. И все же кому-то из них может прийти в голову мысль, что это необычный браслет. Достаточно показать его любому ювелиру, и станет ясно, что вещица стоит целое состояние. А коллекционеры вроде герцога Алдона готовы душу отдать за подобный артефакт. Говорят, он не слишком-то боится джиннов. Раба перстня он постоянно вызывает. Видно, есть у него какие-то способы договориться... Хочешь стать частью его выставки? Тогда никакого покоя и никакого забвения!

Джинн не перебивал, внимательно слушал и молча меня рассматривал.

Понять бы, что там делается, в его темной потусторонней голове!

– А я могу предложить тебе забвение! – вкрадчиво сказала я. – Потом, когда все будет закончено...

– Когда все будет закончено? – повторил он с вопросительной интонацией. – Это когда же, маленькая дрянная лгунья?

Слова злобного чудовища вроде бы не должны были меня ранить, а ведь, поди ж ты, ранили!

– Я не лгунья! – прошипела я.

– Вы все лжецы. Все ваше племя.

Так, ладно. Представления не имею, о чем он, просто пропущу мимо ушей.

За окнами началась переключка, залаяла собака. Который сейчас час? Тюремщик сказал, что казнь состоится утром, а значит, у меня почти не осталось времени.

– Все будет закончено, когда я отомщу графу Дейтону и Адриану, – выпалила я, только в этот миг сообразив, что на самом деле желаю этого всей душой.

– Ты? – усмехнулся джинн. – Слабая, жалкая, пустая...

С сухим шелчком он переломил пополам соломинку, которую держал в руках, с таким видом, будто представлял при этом мою шею.

Я зачем-то вспомнила слова Патрика: «Ты слишком уж покорная дочь, Виви». Я действительно всегда была послушной девочкой, совсем не бойцом. Вероятно, милосерднее со стороны джина будет позволить тюремщикам придушить меня.

Но упрямство и злость, которых я от себя вовсе не ожидала, поднялись со дна души.

– Я отомщу! – крикнула я. – Или умру!

Джинн презрительно дернул уголком рта. И надолго замолчал.

Я с волнением прислушивалась к звукам проснувшейся тюрьмы. Потянуло дымком и запахом пригоревшей каши. Интересно, меня хотя бы покормят перед казнью? Желудок тоскливо сжался. Вряд ли кто-то станет тратить провизию на смертницу.

– Герцог Алдон призывает своего раба? – спросил джинн. – Чего он от него хочет?

Неожиданный вопрос, но я почувствовала, что могу зацепиться за эту ниточку. Хотя и не знала, куда она меня приведет.

– Я не знаю. Правда. Я только слышала, что раб перстня – девушка.

Джинн сжал губы и раскрошил в кулаке многострадальную соломинку.

– Я хочу заключить с тобой сделку.

– Сделку? – пробормотала я, совершенно сбита с толку, не зная, радоваться ли, бояться или это новое коварство.

– Да. Ты соберешь все артефакты, где заключены джины. О скольких ты знаешь?

Я перечислила все, что смогла вспомнить: медный кувшин в Академии магии, перстень у герцога Алдона, алмазный венец в королевской сокровищнице.

Но невозможно было представить, что я доберусь хотя бы до кувшина, не говоря уже о венце в охраняемой сокровищнице. Это было примерно так же реально, как достать луну с неба: никакой надежды на успех.

– Как это поможет мне отомстить?

Джинн снова усмехнулся краешком губ. Как ему только удастся эта насмешливая и одновременно брезгливая ухмылка? «Ты пыль, – говорила она. – Лживое никчемное существо...»

– Я предлагаю нечто лучше, чем месть.

Джинн наклонился ко мне, и я невольно подалась вперед, ловя каждое слово.

– Мертвых не воскресить, – произнес он.

Глаза защипало от слез, я едва удержалась, чтобы не залепить ему пощечину. Он издевался. Снова!

Но джинн еще не закончил.

– И моих сил недостаточно, чтобы повернуть время вспять. Недостаточно сил двух, трех магов. Но если нас будет четверо – все возможно.

Он откатнулся назад и со скучающим видом сложил руки на коленях.

Меня же после этих слов будто молния пронзила. Надежда, яркая, как солнце, наполнила светом черную пустоту, со вчерашнего дня угнездившуюся в душе.

– Нет... – ахнула я.

– Воля твоя.

– Нет! Я не о том! Я просто поверить не могу. Я согласна! Согласна! На все согласна!

– Это еще не все. Ты дашь мне право после заката солнца дотрагиваться до тебя так, как я хочу и где хочу.

Необычное условие заставило кожу покрыться мурашками.

– Зачем?

– Считай, что это моя прихоть. Вы так долго испытывали на нас свою власть. Настал мой черед.

– Хочешь подчинять меня? Владеть мной? – выдохнула я, содрогаясь от страшных предчувствий.

Джинн кивнул.

Решусь ли я на такую сделку? Решусь! Я готова пройти через огонь, лишь бы вернуть родителей и любимого брата.

– Я согласна! Все?

– Нет, не все. Когда я выполню свою часть сделки, ты даруешь мне забвение.

– С огромным удовольствием! – ядовито процедила я. – Теперь все?

– Теперь все, – с не меньшей язвительностью в голосе ответил он. – Почти. Ты знаешь, что нужно сделать.

Со скрежетом повернулся ключ в замке, дверь отворилась. В тесную камеру зашли два кряжистых тюремщика, без лишних слов подхватили меня под оба локтя, приподняв в воздух, так что ноги оторвались от земли, и потащили вон.

На джинна они не обратили ни малейшего внимания, наверное, я права: его вижу только я.

– Эй! – заорала я, оглядываясь на негодея, который и не пытался мне помочь, просто шел следом. – Спаси!

– А ну молчать! – рявкнул тюремщик. – Не рыпайся, самой же легче будет!

Верно, у них тут все годами отработано: смертника без лишних разговоров – а чего с ними беседы вести? – хватали под белы ручки и волокли на казнь.

Я вертела головой, оглядываясь на джинна, и в конце концов схлопотала подзатыльник, от которого зашумело в ушах, а желание вертеться повыветрилось.

Но как же так? Ведь мы заключили сделку!

*** 13 ***

Меня вытащили в тесный двор тюрьмы, окруженный неприветливыми высокими стенами. Прямо здесь была оборудована виселица для мелких сошек вроде меня. Показательные казни на площади устраивали матерым преступникам, клятвоотступникам и опасным колдунам, а кому интересны бедные селянки?

Тюремщики опустили меня на землю, на шершавую, слипшуюся комьями сухую грязь. Один остался рядом, придерживая за шиворот, другой, позевывая, направился к виселице, где под надзором других палачей переминался с ноги на ногу грязный мужичонка. Он был пьян до такой степени, что то и дело норовил присесть на корточки, а то и прилечь. Он благодушно жмурился от яркого солнца и улыбался злобным рожам охранников.

Мимо меня прошла баба с ведром помоев, вылила их в яму у стены. Безразлично покосилась на меня: казней она повидала столько, что они давно перестали трогать ее сердце.

В дальнем конце площадки мужчины в мундирах городской стражи тренировались с копьями. Все они обращали на меня внимания не больше, чем на деревянный чурбан, стоящий под петлей.

Неужели вот так и закончится моя жизнь? В этом отвратительном месте! Вонь помоев, грубые хари, безразличные лица и ни травинки, ни листочка – взгляду не за что зацепиться напоследок.

Я взяла пример с пьяного мужичонки и подняла лицо, подставляя его солнцу. Посмотрела сквозь прищуренные веки вверх, будто со дна колодца. Синее небо, птица бьет крыльями, словно торопится быстрее перелететь это гиблое место... Ничего, скоро я тоже буду свободна!

Опустила взгляд и увидела джинна. Он переместился из-за спины и встал под виселицей, пристально на меня глядя. А ты гори в преисподней, лживое создание!

Петля была только одна – вешать нас будут по очереди. Мужичонку водрузили на чурбан и придерживали с двух сторон, чтобы не свалился. Третий тюремщик накидывал на голову преступника петлю, а пьянчужка добросовестно ему помогал, тыкаясь головой в веревку, как бычок, но все время промахивался.

Зрелище было одновременно и потешное, и грустное – но я смотрела, чтобы не видеть безжалостную тварь. Джинн, никем не замеченный, передвинулся ближе, заслоня обзор. Шевельнул губами. Раз, другой...

Я зло зыркнула: «Ты уже прекратишь издеваться? Дай умереть спокойно!»

Он не прекращал и произносил как будто одно и то же слово. Я прищурилась. Джинн дает мне подсказку? Какую?

В камере нам не дали договорить. Джинн сказал: «Ты знаешь, что нужно сделать». Я чего-то не сказала, а без этого сделка не заключена? Но что?

– Тебя никто не видит и не слышит! – буркнула я вслух. – Почему нельзя сказать прямо?

Тюремщик огрел меня ладонью по спине.

– Молчать!

Другие, занятые делом и уже изрядно вспотевшие, но так и не пристроившие голову мужичка в петлю, только яростно покосились. Один процедил: «Блаженная».

Джинн усмехнулся. Ясно, он специально тянул время, наслаждаясь моим страхом и растерянностью. Он медленно приблизился: вот он на расстоянии нескольких шагов, вот – вытянутой руки, и наконец наклонился к самому моему лицу.

– Желай, глупенькая зайчишка. Желай.

Так вот оно! Как я не подумала! Без моего желания, выраженного словом, сделка не состоится.

– Я желаю... – тихо произнесла я. – Я желаю заключить сделку с джинном.

– Да будет так!

И в тот же миг джинн исчез. Я вытаращила глаза: ничего себе, сколько можно водить меня за нос!

Но моя оторопь длилась недолго. В закрытые ворота тюрьмы, окованные железом, затарабанили. Запела труба. Зычный голос, в котором я, однако, сразу опознала голос исчадия преисподней, крикнул:

– Открывайте, именем короля!

Тюремщики переглянулись, засуетились. Бросили пьянчужку, который благополучно сполз с чурбана на землю и засопел, свернувшись калачиком.

Стражники распахнули ворота, и в грязный дворик влетел изящный вороной конь с всадником. Заплясал, гарцуя и выбивая копытами комочки земли. Всадник в мундире королевского глашатая, в алом плаще с гербом дома Корнуолла с перекрещенными пиками и василиском, отпустил поводья, вынул из поясной сумки свиток и выпрямился в седле.

Я хлопала глазами. Всадник был смугл, темноглаз, и, хотя островерхая шапочка скрывала волосы, жгуче-черная прядь выбилась за ухом. Джинн! Да только никто, кроме меня, этого не знал.

Джинн окинул властным взглядом притихших стражников и принялся зачитывать приказ.

– Внимайте повелению Его Королевского Величества. Сего дня, двадцать пятого числа, месяца Урожайника, года шестьсот сорок пятого приказываю даровать жизнь сим смертникам в честь выздоровления двоюродной тетушки внучатого брата короля. Да будут благословенны ее дни!

Стражники переглядывались и почесывали в затылках. Я, знающая назубок все династические ветви королевского дома, мысленно посмеялась над мифической тетушкой, которой просто не существовало в природе. Но приказ короля есть приказ короля.

– Да будут благословенны ее дни! – хором повторили все.

Нас с пьянчужкой выдворили за ворота и захлопнули за спиной тяжелые створки. Бедолага, который так и не понял, как близок был к смерти, мирно завалился досыпать в ближайшую канаву.

Гордый всадник на лихом жеребце пронесся мимо, а я и рта не успела открыть, чтобы остановить джинна. Но браслет по-прежнему охватывал запястье, значит, ничего не стоит вернуть беглеца на место.

Я просто пошла вперед. По тесным грязным улочкам, вдоль стен домов, стараясь не смотреть на людей и не привлекать к себе внимания. Подумаешь, бредет какая-то худосочная замарашка.

Я никогда не бывала в этой части столицы. Когда мы с семьей приезжали в Форанг, я видела лишь широкие проспекты, дорогие рестораны, уют и роскошь. Сейчас я оказалась на задворках, где прямо под ногами валялся мусор, стены домов были в потеках помоев. Бедно одетые женщины смотрели измученно, а мужчины чаще раздраженно. Но взгляды некоторых липли ко мне, будто я была облита медом, – похотливые, мерзкие. Для этих мужчин я была доступным и лакомым кусочком. Я опускала голову и ускоряла шаг.

Где же этот гад?

Неожиданно сбоку ко мне пристроился парень и пошел рядом. Я шарахнулась в сторону, в переулочек. Он догнал, надвинулся, заставляя отступить к стене. Пискнув, я схватилась за браслет.

– Желаю, чтобы ты стоял рядом! – крикнула я.

– Я и так рядом, – сообщил парень.

Только сейчас я рассмотрела, что это мой джинн, который снова изменил одежду. Мундир глашатая сменился кожаной стеганкой, надетой поверх холщовой рубахи. На поясе висел

короткий меч в ножнах. Типичная одежда воина-наемника. Длинные черные волосы он перетянул веревочкой в хвост, но некоторые непослушные пряди все же выбивались.

Я прижала ладонь к груди, усмиряя колотившееся сердце. Судя по довольной ухмылке, джинн наслаждался моим испугом.

– Мне тоже нужна другая одежда! – распорядилась я.

Пусть помнит свое место! Он мой раб и должен слушаться.

– Хм...

– Желаю! Желаю другую одежду! – Я тут же спохватилась, что с коварного создания станется нарядить меня в тонкий пеньюар – чем не одежда? – Платье горожанки. Туфли. Все как полагается.

Мое веление было исполнено. А то, что платье оказалось заношенным и заштопанным на локтях, а туфли немилосердно жали, – так эти тонкости мы не обговаривали.

*** 14 ***

На перекрестке стоял мальчишка в зеленом берете и зеленой накидке. Я сразу узнала ученика корпуса вестников при дворце. Они должны обходить город по утрам и разносить новости, а самые лучшие ученики становятся королевскими глашатаями.

Мальчишка застыл, надменно задрал нос, и ждал, пока вокруг него соберется толпа. Он вынул из поясной сумочки алый кристалл и делал вид, что не замечает жадных взглядов: алый цвет означал, что будут произнесены важные новости.

Устремилась к вестнику и я.

– Неужто налоги опять подняли? – недовольно спросил горожанин.

– Да что ты сразу о плохом-то! – оборвала его женщина. – Может, наш милостивый король праздник какой затеял? Сейчас и объявление будет!

– Ага, праздник! Праздник обдирания липок! – буркнул мужчина.

Но в это время кристалл на ладони мальчишки засветился. Все притихли, я же едва подавила вскрик: в воздухе над кристаллом появилось полупрозрачное изображение, знакомое мне с детства, – отец на парадном портрете, висевшем в гостиной, рядом с портретами моих предков.

– Его величество милостивый король Карл II с прискорбием сообщает о чудовищном злодеянии. Сегодня ночью разбойничья шайка проникла в имение Лунная Роза, принадлежащее графу Киллиану Роджеру Августу Арчеру...

Горло сжалось, голова кружилась. Именно в этот миг случившееся перестало казаться кошмарным сном и сделалось жуткой реальностью.

Следом за изображением отца появился портрет мамы, какой она была в юности. Милая, улыбчивая, ласковая. Потом лицо Патрика с коротко стриженными волосами и такое серьезное, каким он никогда не был в жизни. Потом мое лицо...

– Единственная дочь графа Арчера – Вивиана Сюзанна Аделина Арчер – пропала. Ее тело не найдено. Сын графа Дейтона, Адриан Дейтон, наследник рода, объявляет награду в тысячу золотых за любые сведения, касающиеся местонахождения его невесты, и три тысячи тому, кто найдет ее невредимой!

Для портрета я позировала, когда мне едва исполнилось пятнадцать лет. Здесь я выглядела еще совершенным ребенком, с пухлыми щеками, с распущенными по плечам волосами. И все же была вполне узнаваема.

– Бедная девочка! – ахнула пожилая горожанка. – Жива ли... Никому не пожелаешь попасться в лапы разбойникам!

– А за найденное тело денег отсыплют? – по-деловому поинтересовался тот же самый разговорчивый мужик. – Это ведь считается сведениями?

Хорошо, что я стояла за спинами людей и никто меня не видел. Я машинально растрепала волосы, стараясь закрыть лицо, попятилась назад. И уперлась спиной в джинна. Почти уперлась, потому что он очень плавно подался в сторону, избегая прикосновения.

Я в панике огляделась, решая, в какую подворотню бежать.

– Они тебя не узнают, – тихо сказал джинн, который наблюдал за мной с обычной усмешечкой. – Тебя не узнает никто, кроме тех, кто видел прежде.

– Адриан узнает? – спросила я.

– Да. Но его здесь нет.

Кристалл на ладони вестника снова показывал Патрика, а парнишка расписывал, как храбро сражался молодой наследник рода и какая это потеря для королевства. Сам король скорбит!

Во рту сделалось горько, будто меня заставили выпить отвар полыни. Король скорбит! Представляю себе! А уж как скорбят Дейтоны и Фарли! Особенно Адриан. Еще бы, ведь желанный трофей в виде меня почти попал в руки, но ускользнул, просочился сквозь пальцы. Да Адриан носом землю рыть станет, чтобы меня отыскать!

Ничего, я окажусь быстрее! Соберу артефакты и поверну время вспять!

– Пошли отсюда, – пробормотала я.

Я не знала, куда идти и что делать дальше. С чего начать? Ни единой мысли, за которую можно зацепиться. Пустота в голове, в душе и... желудке.

Он напомнил о том, что голоден, неприличным урчанием. Я схватилась за живот и чуть не сгорела со стыда. Моя гувернантка, госпожа Легель, отчитала бы меня как малявку за такую вульгарность. «Истинная леди не должна голодать, но и не должна наедаться досыта. И сытый, и голодный желудок мешают размышлять о благопристойных вещах...»

Мешают размышлять! Я не ела почти сутки, не считая бокала шампанского вечером. Последняя моя трапеза – хлеб с джемом вчера за завтраком.

Мне было так плохо и тяжело на душе, что казалось, я не смогу впихнуть себя и крошки, но мне нужен план, а значит, я обязана позаботиться о теле!

– Я голодна! – сообщила я джинну, когда мы отошли подальше от толпы и встали в тени глухой стены. – Сделай мне...

Я задумалась, мысленно перебирая еду, которую можно жевать на ходу. Однажды, будучи в столице, я видела, как ватага мальчишек ест из промасленного кулька картофельные палочки, истекающие жиром. Папа наотрез запретил мне даже мечтать о такой гадости, но Патрик тайком притащил мне кулек. Правда, палочки к этому времени отсырели и сделались квелыми.

Продавали на улицах города и зажаренную до хруста мелкую рыбешку, и отварной картофель. Придется есть руками, но что поделать.

– Желаю картофельных палочек!

Джинн странно хмыкнул и протянул мне бумажный сверток, который будто вытащил из воздуха. Я тут же сунула палочку в рот, но не почувствовала ни вкуса, ни запаха, словно жевала бумагу.

– Что это? – опешила я.

– Иллюзия, – усмехнулся джинн. – Так же, как одежда на тебе. Как конь, на котором я въехал во двор тюрьмы. Слухи о возможностях джиннов сильно преувеличены.

– Я ею не наемся...

Джинн чуть наклонил голову с бесстрастным видом, но в глазах его горело удовлетворение. Он снова упивался моей беспомощностью. Гад, гад! Ну ладно!

– Иллюзию монет тебе ведь ничто не помешает создать? – презрительно спросила я.

Спустя несколько минут я сидела в забегаловке, которых было полно в этой части города. Она насквозь пропиталась кислым запахом пива и курительной смеси, замызганные столы можно было отчистить только с верхним слоем древесины. Радовало лишь то, что ранним утром в трактире оказалось тихо и пусто.

Я села за дальний столик в углу, спиной к двери. Джинн расположился напротив. Заспанная подавальщица принесла завтрак: толстый ломоть серого хлеба, яичницу и запотевшую глиняную кружку. Я понюхала:

– Пиво? Ой... Можно воды?

– От воды ты, дорогуша, будешь дристать дальше, чем видишь, – грубо ответила служанка. – Пей, ничего с тобой не делается. Оно слабое.

Я вцепилась зубами в хлеб. Он оказался вчерашним, твердым, как подошва. Чтобы протолкнуть кусок в горло, пришлось сделать изрядный глоток пива. Прогорклый напиток ударил в нос, я закашлялась.

А потом без перехода разревелась. Слезы катились по щекам, капали на хлеб, смешивались с пивом... Перед внутренним взором снова и снова вставали портреты. Папа, мама, Патрик... Сердце рвалось и болело, будто чья-то безжалостная рука проникла в мою грудь и терзала, и сжимала его.

Я совсем одна в этом мире. Совсем одна! Не считая хитрой и коварной твари, с которой я теперь связана договором. Я впервые за долгое время подняла глаза на джинна и вздрогнула от мрачной радости на его лице, которую он и не пытался скрыть.

– Каково это, терять родных и любимых? – спросил он, вперив в меня черный взгляд. – Наверное, легче позволить красным муравьям искусать себя до смерти, лишь бы перебить эту боль? Подставить руки под каленое железо? Да только это не поможет. Ты горишь в огне, зайчишка.

– Ненавижу тебя! – прошептала я. – Как же я тебя ненавижу, погань.

*** 15 ***

Джинн никак не отреагировал на мою неприкрытую ненависть и ничуть не изменился в лице, но его ответ заставил кожу покрыться мурашками.

– Не боишься, что на закате, когда придет время исполнять свою часть договора, я тебя придушу? – спокойно спросил он.

А смотрел так, что стало ясно: не шутит.

– Не боюсь! – выпалила я, вовсе не чувствуя той отваги, что звучала в голосе. – До смерти не задушишь. У нас договор!

Джинн криво усмехнулся. Ох, не нравилась мне эта отвратительная улыбочка!

– Нельзя нарушить сделку, – неуверенно произнесла я. – Ты ведь...

Сердце заколотилось как бешеное.

– Ты ведь не солгал? Время можно повернуть вспять? Мы... Я... Если я соберу все артефакты, моя семья останется жива? – торопливо заговорила я.

– Солгал, – ответил он. – Или не солгал. Ты все равно этого не узнаешь, пока не соберешь артефакты.

По непроницаемой физиономии джинна невозможно было понять, какой вариант истинный. Он насмеялся надо мной, продолжит глумиться и дальше. Пора брать себя в руки и перестать вестись на провокации.

Я некоторое время молча завтракала: отщипывала кусочки от краюхи и ковыряла желток подгоревшей яичницы.

– Ладно... Раз уж нам пришлось заключить временный союз, постараемся не вести себя как дикари. Хочешь есть?

– Я не нуждаюсь в еде.

– Ну... Понятно. Не нуждаешься. Но, может, хочешь попробовать, что едят люди?

– Нет аппетита.

Я вскинула взгляд и прикусила язык, с которого готово было сорваться язвительное «Из-за меня?» Спокойствие! Союз, мир, цивилизованные воспитанные люди! Во всяком случае, я.

– Как тебя зовут?

– Тот, кто первым вызвал меня из браслета, назвал Редьярдом.

– Редьярд? Разве могут быть у джиннов такие имена? – не поверила я.

– Настоящее я тебе не скажу.

– Может, я стану называть тебя «раб браслета»? – не удержалась я. – Как ты меня – зайчишкой!

– Лживым зайчишкой, хозяйюшка. Можешь называть как твоей душе угодно, но это не значит, что я откликнусь.

Я сжала кулаки и со свистом втянула воздух сквозь сомкнутые зубы. Разговаривать с джинном все равно что пытаться пробраться сквозь запутанный лабиринт или решить сложную шараду: необходимо следить за каждым словом.

Редьярд, значит. Стоит признать, это имя удивительно подходило джинну. В нем звучала и ярость, и яркость.

– Яр... – негромко произнесла я, принаравливаясь. – Яр.

Как ни странно, возражать джинн не стал. Я допила гадкое на вкус пиво, собираясь с мыслями. Хотя по утверждению подавальщицы напиток был слабым, я все же слегка захмелела и ощущала в себе невиданную доселе храбрость и наглость.

– Я очень мало знаю о джиннах, – призналась я. – Скажи, как ты узнал о...

«Смерти», «гибели»... Слова царапали горло.

– О трагедии в моей семье. Ведь тебя там не было.

– Я знаю все, что случилось в жизни моего хоз...

Теперь ломало джинна.

– Хозяина браслета, – выкрутился он. – Все, что он видел своими глазами, и все, что он сам знает об окружающем его мире. Мне не надо учиться правилам этикета, изучать геральдику или расспрашивать о событиях твоего детства. Эти знания приходят сами и постепенно. Оживают, словно воспоминания. Не сразу... Сначала я узнаю самое важное, как, допустим, убийство твоих родителей. И чуть больше, чем ты. Твой отец умер не сразу, он успел увидеть, как барон Фарли несколько раз воткнул нож в грудь твоей матери, однако был слишком слаб, чтобы помешать.

Джинн произнес последние фразы таким будничным, таким скучным тоном, что я не сразу осознала ужас сказанного, а когда осознала – заледенела до кончиков пальцев на ногах. Кровь отхлынула от щек, руки затряслись.

Сказать ему, какая он паскуда? Джинн лишь обрадуется, что снова сумел растравить душу.

– Желаю монету, – коротко приказала я. – Мы уходим.

Джинн отломил крошку от хлебной корки, подбросил в воздух, поймал в ладонь мелкую серебряную монету и протянул мне. Подавальщицы в зале не наблюдались, поэтому я оставила монету на прилавке, идя к выходу.

Я совершенно не ожидала, что у самого порога меня грубо схватят за воротник. Я заби-лась, точно котенок, поднятый за шкурку. Крепкая рука развернула меня, и я оказалась нос к носу с распаренной красной физиономией. Амбал с закатанными по локоть рукавами, в кожном фартуке, злобно скалил зубы.

– За нос меня водить, дрянь?

– Что? – пискнула я. – Ой! Отпустите! Что случилось?

Хозяин забегаловки – это был он – разжал хватку, я шлепнулась на пятки, а мужчина поднес к самому моему носу мозолистую ладонь, на которой лежала знакомая крошка хлеба.

– Это что, по-твоему? Монета?

Я с ненавистью зыркнула на Яра, который, пользуясь невидимостью, с живым интересом наблюдал за разборкой. Заметил мой взгляд. Улыбнулся. Весело ему!

– Нет, не монета, – признала я, опустив голову. – Простите.

Мужчина рассмотрел меня с ног до головы, подмечая и заплаты, и общий затрапезный вид.

– Магией, значит, владеем, а деньгами нет?

– Угу... – покаянно согласилась я. – Извините.

– В академию магии приехала поступать?

Неожиданный вывод, про академию я и не думала.

– Угу, – подтвердила и на этот раз.

– Может, в том местечке, откуда ты родом, этот фокус бы удался. Но тут таких магичек-неумех за версту заметно. Вон, видишь, у меня защитные артефакты над дверью?

Хозяин таверны так гордился своей предусмотрительностью, что перестал злиться и перешел на миролюбивый тон.

– Так что, девочка, придется отработать.

Я напряглась и против воли нашла глазами джинна, тот безучастно развел руками.

– Я...

– От твоей слабенькой магии мне проку нет, а вот посуды со вчерашнего дня осталось – полный чан. Так что закатывай рукава и приступай!

Я не рискнула снова прибегать к помощи джинна: пока все загаданные желания обрачивались неприятностями, большими и маленькими, но радости не принесло ни одно.

Поначалу дело не ладилось. Я впервые мыла посуду и не ожидала, что мыльные тарелки, как живые, будут норовить выскользнуть из рук. Одна так и вылетела, грохнувшись на пол, но, к счастью, не разбилась. Видно, рачительный хозяин наложил на посуду бытовое заклятие – расколошматить ее не так-то легко.

Постепенно я приуровнилась. От монотонной работы неожиданно стало легче на сердце. Теплая вода согрела ладони, переливчатые пузыри, появляющиеся на поверхности воды, напоминали о радуге после ненастного дня. О надежде. О рассвете после долгой мрачной ночи.

А когда осталось вымыть последнюю тарелку, меня озарила идея.

– Академия магии! – произнесла я вслух.

Во-первых, чтобы не потерять мысль, а во-вторых, чтобы поставить в известность джинна, с которым не хотелось разговаривать напрямую.

– Сейчас проходят вступительные экзамены. Я тоже попробую поступить! Магии у меня нет, но это неважно: на первых порах обману комиссию, а надолго мне задерживаться и не придется. Заберу кувшин и сбегу!

Я ожидала услышать в ответ очередную язвительную реплику, но Яр сказал только:

– Идем.

*** 16 ***

Поступить в академию магии – тайная мечта каждого ребенка королевства, будь он благородных или самых простых кровей.

Наверное, не было никого, кто в детских играх не представлял себя могучим магом. Даже деревенские ребяташки, едва научившись ходить, умели складывать пальцы в жесте «Замолкни» и «Растворись в воздухе». Конечно, без магической силы эти жесты использовались больше как ругательства.

Помню, отец впервые в жизни отчитал меня, пятилетнюю малышку, за то, что я направила сложенные щепотью пальцы на няню. Жест я подсмотрела у конюха.

– Видно, я дурно воспитал свою дочь, – вещал папа трагическим голосом, заставляя меня опускать голову все ниже под его осуждающим взглядом. – Показывать этот жест все равно что ругаться грязными словами!

– Ой... Папуля, но я ведь не обзывала нянюшку! – попыталась оправдаться я.

– Это хуже, чем обозвать. Хорошо еще, что в тебе нет ни капли магической силы, иначе бедная женщина могла бы онеметь навсегда!

В тот момент слова отца меня сильно расстроили, и не только из-за мук совести: я все никак не могла смириться с тем, что магом мне не быть.

Мы с Патриком несколько лет играли в великого колдуна и его помощника. Патрик делал нам плащи из простыней, накручивал на головы наволочки. Всем известно, что волосы на какое-то время сохраняют магическую силу и маг должен тщательно следить за тем, чтобы ни одна волосинка не попала в недобрые руки. Мы носились по замку, выкрикивая заклинания и выгибая пальцы в придуманных плетениях. Веселое было время!

Потом я начисто забыла о своей детской мечте. Патрик продержался дольше: ему очень не хотелось прощаться с надеждой стать магом. Может, он потому и разрешал маме обвешивать его амулетами – все же какая-никакая магия всегда была у него под рукой.

Воспоминания теснились в моей голове, пока я двигалась в центр столицы по улицам, которые постепенно становились все просторнее и чище.

Несколько лет назад Патрик где-то раздобыл устав академии – тоненькую книжицу, отпечатанную на мелованных листах. Он зачитывался им, будто романом, представляя себя на месте студента академии. Заглянула разок и я. Ничего там примечательного не оказалось, все как в любом учебном заведении, разве что дисциплины отличались. Трансфигурация, история магии, боевые заклинания, целительство, бытовая магия.

– Я бы мог стать боевым магом, – мечтательно говорил Пат.

– Ага, будь у тебя магия! – смеялась я.

– Ой, молчи, стрекозьявка! Тебе боевая магия и не светила бы. Максимум – попала бы к бытовникам!

– Пф!

Я вспомнила этот наш давний разговор, а вместе с ним еще кое-что! Патрик именно тогда поведал мне о распределении по факультетам. Этим занималась вовсе не приемная комиссия, как можно было подумать, и от желания студента тоже ничего не зависело.

Распределяла по факультетам Арка Возможностей, под которой проходили кандидаты.

Хлипенькая такая арочка на входе, очень старинная. Говорят, ее привезли не разбирая из какого-то древнего города. Камни в ней были изъедены временем, удивительно, как еще не выпали из кладки.

Ни замка, ни ворот. Сквозь проем каждый желающий мог полюбоваться корпусами, сложенными из белого камня, центральной площадью с фонтаном, чистыми аллеями. Арка будто приглашала зайти.

Патрик, будучи в столице, пробовал не единожды. Да только, пройдя под аркой, он всякий раз оказывался снаружи. Со стороны это выглядело так, будто Пат ходит туда-сюда, а лицо его становится все более обескураженным.

Зайти в академию мог лишь тот, в чьей крови жила магия. И сразу, без лишних разговоров, Арка Возможностей устраивала ему испытание, по итогам которого решалась судьба – боевиком ли станет кандидат, целителем или бытовником.

– Проклятие... – пробормотала я. – Как же я позабыла!

– Что? – спросил джинн, хотя я вовсе не к нему обращалась.

– А ты не знаешь, такой вездесущий? – уколола я его.

– Узнаю, через пару мгновений, – невозмутимо ответил он.

Я махнула рукой.

– Мы не зайдем! Я об этом не подумала сразу, но сейчас вспомнила: попасть в академию могут только маги! А я не маг!

– Идем, – сказал Редьярд, он оставался все так же бесстрастен. – На месте разберемся.

У Арки Возможностей толпились люди. Присмотревшись, я поняла, что у входа в академию стоят будущие студенты и родители, пришедшие проводить чад. Судя по одежде, своей очереди ждали выходцы из всех сословий. Удивительная вещь – магия, никогда не угадаешь, в ком она может проснуться.

Мы, вернее, я – ведь джинн оставался невидим – пристроилась за пухлой женщиной и ее упитанным сыном, который старательно жевал пирожок, а его мать держала наготове второй. Нет, ну где справедливость? Почему магия досталась этому толстяку, а не моему любимому брату?

До носа долетел одуряюще вкусный запах сдобы: в корзине, которую женщина нервно сжимала в руке, лежала целая гора пирожков. Под ложечкой снова засосало от голода.

Я гордо отвернулась, но женщина успела заметить мой жадный взгляд и тут же протянула мне пирожок.

– Держи-держи! – ласково сказала она. – Еще горяченький! Все утро пекла, а Мик отказывается с собой брать! Всех бы угостил!

– Мам! – взревел Мик. – Ну куда я их возьму! Мне предстоит испытание! Может, придется сразиться с драконом! Я что, должен закидать его твоими пирожками?

Женщина промолчала, но, по-моему, мысль задобрить дракона пирожками не показалась ей такой уж глупой.

– А тогда сам ешь! – буркнула она. – Зря я, что ли, с четырех утра на ногах!

– Дай сюда!

Мик забрал у матери корзину и прошелся вдоль очереди, одаривая всех пирожками. Мне достался еще один, с капустой.

– А что же ты, детка, без родителей? Совсем одна? Кто тебя провожает? – спохватилась женщина.

Только не реветь! Я встретилась взглядом с темными глазами джинна. Удивительно, что он не попытался снова меня уязвить: как раз представилась возможность.

Нельзя расклеиваться: я еще только в самом начале трудного пути! Эта мысль меня отрезвила.

– Я из пригорода. Родители не смогли поехать, работы в поле много... – соврала я.

Очередь колыхнулась, продвинулась на шаг вперед. Кто-то готовился зайти под арку. Интересно, увидим ли мы его испытание?

Я приподнялась на цыпочки, стараясь поглядеть поверх голов. Кандидат в щегольской курточке и модном берете как раз ступил под каменный свод. Пространство внутри арки пошло рябью, как поверхность чистого и прозрачного пруда. По ту сторону вышел тот же парень, да только берета как не бывало, волосы стояли дыбом, куртка порвана чуть ли не в лоскуты. Но

студент – теперь уже студент – выглядел вполне довольным, когда он обернулся и помахал обмершим родителям.

– Боевой факультет! – крикнул он.

Очередь захлопала ему, а новоиспеченный боевик легкой походкой направился в сторону центрального корпуса.

Мне сделалось дурно. Не хотелось мне никаких испытаний!

Да ведь и не будет их, да? Я ведь не маг! Но как же тогда попасть в академию и забрать кувшин?

Очередь снова ожила. Быстро двигается! Для нас, стоящих снаружи, испытания студентов длились доли мгновения, но, судя по тому, какими истрепанными, ошарашенными, исцарапанными и грязными они появлялись по ту сторону, время под аркой двигалось иначе.

Вот, обтерев жирные ладони о курточку, шагнул под Арку Возможностей Мик. Появился помятый, но сияющий.

– Бытовой!

Есть чему радоваться!

Только сейчас я поняла, что наступил мой черед. Ноги отказывались сделать шаг.

– Ну, смелее! – подбодрила меня мать Мика.

Джинн встал со мной плечом к плечу, будто так и надо.

– Зайчишка, решайся. Или ты соскучилась по Адриану?

Во мне вспыхнула злость, придала сил. Да и чего бояться, если сейчас арка просто выплюнет меня обратно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.